

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»
Институт права

(наименование института полностью)

Кафедра «Уголовное право и процесс»

(наименование)

40.03.01 Юриспруденция

(код и наименование направления подготовки, специальности)

Уголовно-правовой

(направленность (профиль)/специализация)

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА (БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА)

на тему «Уголовная ответственность за захват заложника»

Студент

В.Л. Казеева

(И.О. Фамилия)

(личная подпись)

Руководитель

канд. юрид. наук, доцент, П.А. Кабанов

(ученая степень, звание, И.О. Фамилия)

Тольятти 2022

Аннотация

Актуальность темы обусловлена тем фактором, что феномен заложничества, сопровождающий человечество на всех этапах развития, начиная с рабовладельческого общества и по сей день влечет определенные жертвы среди мирного населения, разрушение культурных и материальных ценностей. И к сожалению, не всегда эти жертвы единичные. Так, истории известны случаи массового захвата заложников, например, на премьере мюзикла Норд-Ост в московском театре в 2002 году, или в школе Беслана в 2004 году, или в ходе войны в Сирии в 2016 году и т.д.

Цель настоящего исследования – на основе изучения и обобщения учебной и специальной литературы, действующего законодательства в указанной сфере общественных отношений, практики его применения и толкования, посвященных исследованию ответственности за захват заложников раскрыть проблемные вопросы, изложить своё отношение к существующим точкам зрения и научным позициям, а также попытаться сформулировать собственные предложения по совершенствованию законодательного регулирования в избранной теме.

Сообразно поставленной цели выделим следующие задачи работы:

- провести анализ исторического развития норм о заложничестве и становления ответственности за захват заложника, а также законодательное закрепление уголовной ответственности за захват заложников;
- проанализировать понятие захвата заложника;
- рассмотреть криминологическая характеристика лиц, совершивших захват заложника;
- исследовать объективные и субъективные признаки заложничества в уголовном законодательстве Российской Федерации;

- проанализировать проблемные моменты квалификации заложничества, квалифицирующие признаки захвата заложника и признаки разграничения со смежными преступлениями;
- изучить меры по предупреждению захвата заложников;
- предложить пути по совершенствованию отечественного законодательства об ответственности за захват заложника.

Методологической базой выпускной квалификационной работы являются логический, системный, ретроспективный методы познания, анализ и обобщение теоретического материала, сравнительный анализ разных точек зрения на обозначенный вопрос, формально-логический и диалектический методы исследования.

В качестве нормативной базы настоящей работы выступает действующее законодательство Российской Федерации.

Структурно работа состоит из введения трёх глав, включающих в себя шесть параграфов, заключения, а также списка используемой литературы и используемых источников.

Оглавление

Введение	5
Глава 1 Общая характеристика уголовной ответственности за захват заложника	9
1.1 История развития норм об уголовной ответственности за захват заложника в отечественном законодательстве.....	9
1.2 Понятие захвата заложника	12
1.3 Криминологическая характеристика лиц, совершивших захват заложника	17
Глава 2 Анализ состава преступления захвата заложника	23
2.1 Объективные признаки захвата заложника	23
2.2 Субъективные признаки захвата заложника	28
2.3 Квалифицирующие признаки захвата заложника. Разграничение захвата заложников и связанных с ним преступлений	34
Глава 3 Пути совершенствования уголовно-правовых мер противодействия захвату заложника.....	45
3.1 Меры по предупреждению захвата заложников.....	45
3.2 Совершенствование уголовного законодательства об ответственности за захват заложника.....	53
Заключение	57
Список используемой литературы и используемых источников	62

Введение

Актуальность избранной автором темы исследования об уголовной ответственности за захват заложника состоит в том, что такой феномен как захват заложников в последнее время стремительно развивается, приобретая все более изощренные формы, что в свою очередь дестабилизирует экономику, оказывает разрушительное влияние на политическую и общественную жизнь, подрывает устои государства и становится угрозой для его безопасности и безопасности населения. При этом, заложничество является одним из способов совершения актов терроризма. На сегодняшний день проблемы, связанные с противодействием терроризму, занимают одно из ключевых мест в политике как на национальном уровне, так и на международном.

Актуальность темы дополнительно обусловлена еще и тем фактором, что феномен заложничества, сопровождающий человечество на всех этапах развития, начиная с рабовладельческого общества и по сей день влечет определенные жертвы среди мирного населения, разрушение культурных и материальных ценностей. И к сожалению, не всегда эти жертвы единичные. Так, истории известны случаи массового захвата заложников, например, на премьере мюзикла Норд-Ост в московском театре в 2002 году, или в школе Беслана в 2004 году, или в ходе войны в Сирии в 2016 году и т.д.

Также необходимо отметить, что хоть и прослеживается общепринятая платформа в определении понятия заложничества, заключающаяся в том, что это противоправное завладение человеком путем его удержания или лишения свободы передвижения с целью влияния на совершение государством, организацией или определенным лицом каких-то конкретных действий, но данный феномен так и не получил единообразную трактовку, и более того данный термин не получил легальное определение в уголовном российском законодательстве. Что в свою очередь негативно сказывается на правовой политике государств по противодействию данному преступлению. Об

актуальности назревшей проблемы понятийного аппарата свидетельствует еще и тот факт, что даже современный российский законодатель в современный период за относительно короткий срок кардинально менял свою позицию, и тем более разные точки зрения имелись и в доктрине, и у экспертного сообщества. Также необходимо добавить сюда и не всегда однозначные трактовки в международно-правовых актах, связанных с противодействием этому феномену.

Степень научной разработанности темы. Заметим, что тема захвата заложников вызывает огромный интерес у исследователей различных областей науки. И за все время существования такого феномена как заложничество было предпринято не малое количество попыток научного осмысления самого его понятия (суть в том, что до сих пор в современной науке отсутствует универсальное определение захвата заложников) и приоритетных направлений политики по борьбе с таким захватом, не только в отечественном, но и в мировом законодательстве. Среди таких исследований можно выделить труд В.А. Осипова «Захват заложника (Уголовно-правовой и криминологический аспекты)» 1999 года [1], где он делает всесторонний, комплексный и многоаспектный анализ нормы, закрепленной ст. 206 УК РФ «Захват заложника» и А.Н. Хоменко «Уголовно-правовые аспекты захвата и освобождения заложников» 2008 года [2], где он впервые за всю историю существования феномена заложничества проводит комплексный анализ уголовно-правовых аспектов захвата заложников и действий по их освобождению. Интересным представляются работы Н.Н. Козловой по уголовной ответственности за захват заложников с точки зрения сравнительной характеристики законодательства РСФСР и России [3], М.Ю. Павлик про актуальные проблемы захвата заложника с точки зрения уголовного права и криминологии, подготовленная к защите в 1988 году [4], К.П. Анциферова об уголовных и криминологических аспектах ответственности за захват заложника 2003 года [5], М.Ю. Гущина о мерах

противодействия при захвате заложников 2005 года [6]. Необходимо отметить, что все названные научные труды были опубликованы достаточно давно.

Вместе с тем, меняется законодательство, усложняется экономическая, социальная, политическая обстановка и пр. Поэтому, в связи с вышесказанным, учеными высказываются мнения, что вопросы ответственности за захват заложника остаются недостаточно исследованными. Нами поддерживаются данные точки зрения, так как во время написания настоящего исследования автором было проанализировано большое количество научной литературы, посвященной различным отдельным вопросам касающихся именно уголовного и криминологического аспекта ответственности за заложничество, но комплексного исследования данной проблемы нового времени нет до сих пор. Именно поэтому тема исследования не теряет своей актуальности.

Объектом работы выступают правоотношения, возникающие в связи противодействием захвату заложников.

Предметом работы выступают особенности правового регулирования ответственности за захват заложников и противодействия ему.

Цель настоящего исследования – на основе изучения и обобщения учебной и специальной литературы, действующего законодательства в указанной сфере общественных отношений, практики его применения и толкования, посвященных исследованию ответственности за захват заложников раскрыть проблемные вопросы, изложить своё отношение к существующим точкам зрения и научным позициям, а также попытаться сформулировать собственные предложения по совершенствованию законодательного регулирования в избранной теме.

Сообразно поставленной цели выделим следующие задачи работы:

- провести анализ исторического развития норм о заложничестве и становления ответственности за захват заложника, а также законодательное закрепление уголовной ответственности за захват заложников;

- проанализировать понятие захвата заложника;
- рассмотреть криминологическая характеристика лиц, совершивших захват заложника;
- исследовать объективные и субъективные признаки заложничества в уголовном законодательстве Российской Федерации;
- проанализировать проблемные моменты квалификации заложничества, квалифицирующие признаки захвата заложника и признаки разграничения со смежными преступлениями;
- изучить меры по предупреждению захвата заложников;
- предложить пути по совершенствованию отечественного законодательства об ответственности за захват заложника.

Методологической базой выпускной квалификационной работы являются логический, системный, ретроспективный методы познания, анализ и обобщение теоретического материала, сравнительный анализ разных точек зрения на обозначенный вопрос, формально-логический и диалектический методы исследования.

В качестве теоретической базы работы выступили труды таких учёных как Л.А. Артемов, В.А. Осипов, В.В. Артемова, А.Н. Хоменко, Ю.Н. Белозеров, Б.Т. Безлепкин, А.Г. Арбатов, О.В. Будницкий, Ю.П. Воронов, В.И. Герасимов, Ю.С. Горбунов, Ю.В. Гаврилин, Л.В. Смирнов, Ю.Н. Дерюгина, К.Ю. Егоров, Е.Т. Ляхов, К.В. Жаринов, А.Е. Тарса, Н.Н. Козлова, М.Ю. Павлик, К.П. Анциферов, М.Ю. Гуцин и многих других.

В качестве нормативной базы настоящей работы выступает действующее законодательство Российской Федерации.

Структурно работа состоит из введения трёх глав, включающих в себя шесть параграфов, заключения, а также списка используемой литературы и использованных источников.

Глава 1 Общая характеристика уголовной ответственности за захват заложника

1.1 История развития норм об уголовной ответственности за захват заложника в отечественном законодательстве

Конституцией Российской Федерации провозглашено право каждого, кто законно находится на территории Российской Федерации, свободно передвигаться, а также выбирать место пребывания и место жительства [7].

Данное право не может быть отменено, без законных оснований ни один человек не может подвергаться ограничению свободы, но иногда данное право не соблюдается и возможно осуществление захвата заложника или заложников, лишая указанное право на передвижение и перемещение, для каких-то своих личных целей. В целях недопущения нарушения конституционного права в Уголовном кодексе Российской Федерации (далее – УК РФ) [8] предусмотрена ответственность за захват заложника.

История уголовной ответственности за заложничество тесно связана с мировой историей и базируется на мировой практике.

Складывается впечатление, что такое преступление как захват заложника является молодым и довольно новым, но, как и террористический акт, это преступление имеет давнюю историю.

Законы Хаммурапи, один из древнейших и дошедших до наших дней свод правил, уже в свое время предусматривал ответственность за захват заложника или похищение человека. «Если человек имеет за человеком долг хлебом или серебром и будет держать его заложника, а заложник умрет в доме взявшего в залог по своей судьбе, то это не основание для претензий» гласят законы Хаммурапи [9, с. 17].

Истории известны различные случаи, связанные с заложничеством, а также случаи похищений человека и террористических актов.

Во времена правления Юлия Цезаря и персидского царя Ксеркса были известны случаи захвата заложников. На территории даже Древней Руси и во времена нашествия Золотой Орды захват заложников был не редкостью [10, с.102].

В свое время Русская правда предусматривала такие виды преступлений против свободы человека, как продажа полусвободного человека и лишение свобод по ложному обвинению. При этом, Судебником 1497 года, Соборным уложением 1649 года, Воинским Артикулом Петра Великого было предусмотрено серьезное наказание за похищение человека, но не было ответственности за захват заложника [11, с. 120].

Но довольно большое внимание к ответственности за захват заложника стало уделяться уже в более современное время, именно как к преступлению против общественного порядка и общественной безопасности, а не как преступление по отношению к конкретному лицу.

Законодательство Российской империи прямо не предусматривало ответственность за заложничество, но была введена ответственность за преступления террористического характера, что послужило основой для соответствующего введения ответственности и за захват заложника.

Уголовное уложение 1903 года практически не содержало норм об ответственности за захват заложника.

Со временем мотивы совершения преступления анализируемой категории заметно изменились, получили политический окрас, и захват заложника стал способом влияния на решения государственных деятелей.

В период Первой и Второй мировой войны, а также в период гражданской войны в России захват заложника стал довольно распространённым явлением, смена власти с императорской на буржуазную требовала решительных действий, самое известное из которых расстрел императорской семьи Романовых, которые фактически долгое время насильственно удерживались в Ипатьевском доме. Данный случай нельзя назвать классическим захватом заложников, так как планов отпустить

заложников у захватчиков не было, и требований политического или иного характера захватчики не выдвигали.

В Уголовном кодексе Р.С.Ф.С.Р., введенном в действие постановлением ВЦИК от 01.06.1922 ответственность за захват заложника не была предусмотрена. И в последующих Уголовных кодексах РСФСР и СССР ответственность за захват заложников не была предусмотрена.

Европейской конвенцией о защите прав человека и основных свобод уже в 1950 году предусмотрено право лиц на свободу и личную неприкосновенность. Согласно ст. 5 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод «Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Никто не может быть лишен свободы иначе как в следующих случаях и в порядке, установленном законом» [12]. При этом, стоит отметить, что в целом, в данном международном документе идет речь о защите прав граждан от незаконных арестов, а не от захвата заложников.

Постепенно стали появляться международные документы, которые вводили запрет на захват заложников. Токийская и Гагская конвенция постепенно предусматривают нормы, которые вводят ответственность за захват воздушного судна, что также можно отнести к развитию ответственности за захват заложников.

Европейская конвенция по борьбе с терроризмом от 1977 года предусматривает положения о правонарушениях террористического характера, к которым также в мировом сообществе отнесен и захват заложника [13].

Международной конвенцией о борьбе с захватом заложника от 1979 года предусмотрено, что «захват заложников является преступлением, вызывающим серьезное беспокойство у международного сообщества, и что в соответствии с положениями настоящей Конвенции любое лицо, совершающее акт захвата заложников, подлежит либо уголовному преследованию, либо выдаче» [14].

СССР присоединился к настоящей Конвенции Указом Президиума Верховного Совета СССР от 7 мая 1987 года № 6941-ХІ.

В Союзе Советских Социалистических республик понятие «захват заложников» появилось только после ратификации некоторых международных договоров. И соответственно УК РСФСР был дополнен ст.126.1 («Захват заложников»). Однако у правоприменителей того времени возникали серьезные трудности по применению данной уголовно-правовой нормы, так как законодатель, на наш взгляд, необоснованно сузил возможность ее применения ко всем случаям захвата заложников на территории РФ, совершенные гражданами РФ и в отношении граждан РФ.

И только в Уголовном кодексе Российской Федерации, введенном в действие в 1996 году, была в полной мере предусмотрена ответственность за захват заложника.

Подводя итог, можно сделать некоторые выводы:

История захвата заложника как противоправное деяние берет свое начало в древнейшие времена и ответственность за совершение указанного преступления в настоящее время закреплена во многих нормативных актах различных государств.

Понятие захват заложника, ответственность за данное деяние находится в состоянии совершенствования и требует определенной доработки.

Все вышеизложенное наиболее полно помогает понять историю становления такого явления как захват заложника.

1.2 Понятие захвата заложника

Такое преступление как захват заложника имеет давнюю историю, в течение которой методы и способы совершения данного преступления видоизменялись, менялись и криминологические характеристики лиц, которыми совершаются преступления анализируемой категории. При этом, прежде чем рассматривать характеристики лиц, совершивших захват

заложника, а также анализировать состав преступления в поисках существующих правовых проблем и путей их решения, необходимо определить, какое определение имеет понятие захват заложника.

Как правило, происходит захват не одного заложника, а какой-то определенной группы лиц, например, захват заложников в г. Беслан. Но, возможно, и захват одного лица, довольно часто – это супруг или супруга преступника.

Официального или легального понятия захвата заложника в российском законодательстве не предусмотрено, также не определено понятие незаконного захвата или удержания.

Статьей 206 Уголовного кодекса Российской Федерации предусмотрено, что преступлением является «захват или удержание лица в качестве заложника, совершенные в целях понуждения государства, организации или гражданина совершить какое-либо действие или воздержаться от совершения какого-либо действия как условия освобождения заложника» [8]. При этом, как автору видится из диспозиции указанной статьи, в ней не дается легального определения понятия захвата заложника, а указано лишь на признаки отнесения данного деяния к захвату или удержанию заложника.

Анализируемое автором преступление отнесено законодателем к преступлениям против общественной безопасности и общественного порядка, так как при захвате заложника захватчик также посягает на общественную безопасность и общественный порядок, ведь захват заложника имеет определенную цель.

Под захватом заложника понимается незаконное завладение человеком, которое сопровождается лишением его свободы, в том числе путем удержания – противоправного насильственного ограничения выхода заложника на свободу [15].

С точностью данного понятия нельзя согласиться, так как в его определении не указаны признаки, которыми обладает понятие захвата заложника.

По мнению Зеленко В. под захватом заложника следует понимать «противоправное лишение свободы передвижения человека либо противоправное воспрепятствование в оставлении им определенного местонахождения, совершенные в целях понуждения государства, организации или другого лица совершить какое-либо действие или воздержаться от совершения какого-либо действия как условия освобождения заложника» [16, с. 59].

Указанные определения указывают на то, что захват заложника – это преступление, которое совершается путем лишения права передвижения и свободы лица или группы лиц с определенной целью.

Некоторые авторы рассматривают феномен заложничества в качестве одного из способов совершения террористического акта. Подтверждением этому можно проанализировать следующее определение, данное Канунниковой Н.Г. и Шхагапсоевой З.Л., которые «под захватом заложника понимают один из способов совершения террористического акта путем насильственного задержания людей с целью заставить государство, организации или отдельных лиц выполнить определенные требования» [17, с. 36].

Действительно, как показывает судебная практика, довольно часто случается так, что террористический акт совершается сопряженно с захватом заложника. Преступники выставляют свои требования и указывают на то, что в случае исполнения их требований захваченные заложники будут освобождены.

Так, например, Московским окружным военным судом вынесено приговор в отношении местного жителя, которым было совершено два преступления: террористический акт и захват заложника в отношении двух и более лиц (ч. 1 ст. 205 УК РФ, п. «ж» ч. 2 ст. 206 УК РФ). В ходе предварительного расследования и судебного следствия установлено, что 24.08.2016 П. прибыл в отделение банка и продемонстрировал сотрудникам и посетителям учреждения заблаговременно подготовленный муляж

самодельного взрывного устройства. Для устрашения и реальности своих действий П. повесил данный муляж себе на шею и продемонстрировал рацию, с помощью которой активируется взрывное устройство путем спуска пальца с кнопки рации. Спустя время П. отпустил часть заложников, чтобы они передали его требования правоохранительным органам и средствам массовой информации. После того, как требования П. были выполнены, он сдался. Суд приговорил П. к 12 годам лишения свободы с отбыванием наказания в исправительной колонии строгого режима [18].

В данном случае, осужденный совершил захват заложников и акт терроризма в своих личных целях, которую он добился только незаконным способом.

Эти два преступления тесно переплетаются, поскольку основная цель – исполнение требований захватчиков, а незаконные действия посягают на общественный порядок и общественную безопасность.

Но как показывает практика, такое преступление как захват заложника, может быть сопряжено с совершением преступлений не только террористического характера, но и против личности или имущества.

Приговором Московского городского суда Х. и П. осуждены за совершение преступлений, предусмотренных п. «б» ч. 4 ст. 162 УК РФ, п.п. «а», «г», «ж» ч. 2 ст. 206 УК РФ и по совокупности преступлений им назначено наказание в виде лишения свободы сроком 11 и 13 лет.

В ходе судебного следствия установлено, что Х. и П. 29 мая 2011 года совершили разбойное нападение на ювелирный магазин с целью хищения ювелирных изделий. После того, как их преступные деяния стали очевидны для представителей власти в лице правоохранительных органов, во избежание привлечения к уголовной ответственности, нападающие взяли в заложники работника магазина, которого обхватили за шею и к голове приставили пистолет, чтобы подвести к двери магазина с целью продемонстрировать свои намерения представителям правоохранительных органов. Один из захватчиков озвучил представителям правоохранительных органов свои

требования, которые заключались в предоставлении служебной машины и возможность беспрепятственно выйти из магазина и продолжить движение. В момент выдвижения своих требований заложнику все время угрожали пистолетом, приставленным к голове.

По результатам проведенных силовых мероприятий захватчики были обезврежены, а заложники освобождены [19].

Как следует из описанных приговоров, такое преступление как захват заложников может быть сопряжено также с любым преступлением.

Такие исследователи как Киреева Л.Е. и Трунова Е.В. под захватом заложника предлагают понимать «захват или удержание лица в качестве заложника с целью заставить государство или определенного гражданина, организацию воздержаться от каких-либо действий или предпринять определенные действия при условии освобождения лица, взятого в заложники» [20, с. 56].

Более сокращенное понятие заложничества дает Кадникова Н.Г., под которым понимает «противоправное завладение человеком, сопровождающееся лишением его свободы, а удержание заложника - это противоправное насильственное препятствие выходу заложника на свободу» [21, с. 431].

Заложничество признается в юридической литературе уникальным по своему виду преступлением, совершаемым как самостоятельно, так и в совокупности с другими преступлениями (например, совершение террористического акта, похищение человека) с целью облегчить совершение или подготовку иных преступлений, а также с целью вымогательства выкупа, побега из специализированных учреждений, влияние на решения уполномоченных органов или должностных лиц [22, с. 213].

Чтобы наиболее полно определить, что понимается под таким понятием как захват заложника, необходимо определить, какими признаками обладает.

В научной литературе данный вопрос практически не рассматривается, информации об этом недостаточно.

Исходя из предложенных различными авторами определений можно выделить характерные черты захвата заложника:

Заложник не может передвигаться самостоятельно по своей воли.

Захватчик выставляет определенные требования, довольно часто сопровождающиеся с угрозой причинения вреда заложнику.

Цель захвата заложника – заставить государство, организацию или конкретное лицо совершить определенное действие.

Подводя итог, можно сделать вывод, что под захватом заложника следует понимать противоправное завладение человеком или группой лиц путем удержания или лишения свободы передвижения с целью влияния на совершение государством, организацией или определенным лицом каких-то конкретных действий.

Как видится, все обозначенные сложности возникли из-за отсутствия формальной дефиниции понятия «захвата заложника» в уголовном законе. Представляется, что такое определение необходимо закрепить непосредственно в диспозиции уголовно-правовой нормы.

Для лучшего понимания феномена заложничества автором предлагается проанализировать криминологические характеристики лиц, совершивших захват и удержание заложника.

1.3 Криминологическая характеристика лиц, совершивших захват заложника

Преступность в целом состоит из преступлений, которые совершены людьми, имеющим определенный статус в обществе, сыгравших определенную роль в совершении преступления, то есть обладающими какими-то признаками.

Пол, возраст, семейное положение, социальный статус и многие другие факторы влияют на совершение преступлений тех или иных лиц.

Личность того или иного преступника многогранна и имеет свои характеристики. Именно по отдельным признакам, личностным характеристикам можно охарактеризовать личность преступника.

В уголовном законе существует понятие субъект преступления, однако данное понятие не охватывает понятие личности преступника, в смысл которого включаются не только признаки субъекта преступления, а также иные личностные характеристики того или иного лица, совершившего преступления [23, с. 92].

Субъектом похищения и захвата заложника является физическое, вменяемое лицо, достигшее ко времени совершения преступления 14 лет.

Множество авторов дают свои определения личности преступника, в том числе личности несовершеннолетнего преступника.

По мнению такого ученого как Р.А. Семенюк, «личность преступника – это совокупность социально значимых негативных свойств, признаков, связей, отношений, характеризующих лицо, виновно нарушающее уголовный закон, в сочетании с внешними условиями и обстоятельствами, влияющими на его антиобщественное поведение» [24, с. 78].

Разумеева Я.А. предлагает свое понимание личности преступника - «личность преступника является следствием длительного процесса социализации, биологических данных, психического здоровья, которые не меняются ни до совершения преступления, ни после» [25, с. 998].

Проблемы профилактики преступности, пресечения и предупреждения в настоящее время является довольно актуальными, поскольку уровень преступности в Российской Федерации остается на достаточно высоком уровне, поэтому личность того или иного преступника подлежит детальному изучению в целях раннего выявления лиц, подверженных совершению преступлений анализируемой категории.

Личностные характеристики любого преступника можно разделить по определенным признакам, которые образуют несколько больших групп:

- социально-психологические;

- психофизические;
- социально-демографические [26, с. 24].

Данная классификация личностных качеств лиц, совершающих преступления, позволяет наиболее детально изучить личность преступника.

Личность преступника играет особую роль в совершении преступлений. Ведь всем известно, что вероятность совершения умышленного убийства по найму преступником-вором довольно мала.

В классификации личностей преступников отдельное внимание стоит уделить преступнику, осуществившему захват заложника. Личность данного преступника обладает определенными признаками и характеристиками.

В первую очередь, стоит отметить, что субъект любого преступления – это вменяемое физическое лицо, достигшее определенного возраста, с которого наступает ответственность за совершение преступлений, предусмотренных Уголовным кодексом Российской Федерации, но для криминологического анализа лиц, совершивших преступления, связанные с феноменом заложничества указанных характеристик недостаточно, именно поэтому характеристика лиц, совершивших данные деяния намного шире, чем предложено Уголовным законом для привлечения лиц к уголовной ответственности.

Хочется отметить, что такое преступление как захват заложника, является довольно редким, так как, например, в 2020 году за совершение преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 206 Уголовного кодекса Российской Федерации, осуждено всего 1 лицо, в отношении 3 лиц приняты принудительные меры медицинского характера, по ч. 1-4 ст. 206 Уголовного кодекса Российской Федерации в указанный период лица к уголовной ответственности не привлекались [27].

Как следует из указанной статистики, лица, которыми были совершены общественно опасные деяния, запрещенные Уголовным законом, в момент совершения преступления находились в невменяемом состоянии. То есть, можно сделать вывод, что духовное и психологическое состояние

непосредственно повлияло на совершение или преступлений рассматриваемой категории.

Рассматривать личность преступника, совершившего захват заложника, можно по различным критериям, при этом, одни характеристики являются общедоступными и их можно легко установить, другие сложно оценить, так как объективно такие данные скрыты.

Такой критерий как возраст сложно объективно оценить, особенно в больших масштабах, так как в официальной статистике не всегда имеется та или иная информация, а такой критерий как возраст или дата рождения подсудимого обезличиваются, и становится невозможно определить возрастные характеристики личности преступника.

Еще один нюанс при изучении криминологических характеристик личности любого преступника – отсутствие вообще таких данных, как причины совершения преступления (не мотив, а более подробные причины), условия жизни преступника (состав семьи, финансовое положение, профессия, занятость, наличие хобби и т.п.), наличие финансовых обязательств и т.п. В уголовных делах, а также в ходе судебного следствия устанавливается стандартный набор данных о личности преступника: фамилия, имя, отчество, дата рождения, семейное положение, наличие лиц на иждивении, состояние здоровья, место рождения, место жительства или регистрации. Указанные обстоятельства на совершение преступления могут никак не повлиять.

Многие авторы рассматривают криминологические характеристики личности преступника, совершившего захват заложника, и преступника-террориста, поскольку довольно часто лица, совершившие такое преступление как захват заложника также осуществляли совершение террористического акта.

Рогожкин Н.А., Барышников Ю.В., Цедрик В.А. комплексно подошли к изучению личности преступника-террориста, к которому также отнесены лица, осуществившие захват заложника, и выявили характерные черты преступника террориста:

Как правило, лица, совершившие преступления анализируемой категории являются глубоко религиозными людьми. При совершении преступлений группой лиц по предварительному сговору, если участниками являются глубоко религиозные люди, имеются проповедники. При совершении преступлений анализируемой категории религиозными людьми необходимо наличие лидера, того, кто будет координировать действия остальных участников преступлений, в том числе, с точки зрения исповедуемой религии.

Средний возраст преступников, совершивших преступления рассматриваемой категории от 18 до 30 лет. Это связано с тем, что в более молодом возрасте люди подвержены влиянию извне, то есть влиянию более опытных, более влиятельных людей, кем, например, могут являться проповедники. С возрастом и получением определенного жизненного опыта повлиять на человека и его мнение становится намного сложнее, с молодыми людьми «лидеру» проще работать и проповедовать свои религиозные идеи.

Характерная черта – отсутствие высшего образования. Данная характеристика тесно связана с возрастом лиц, которые совершают преступления рассматриваемой категории. В возрасте от 18 до 25 лет молодые люди как правило занимаются получением высшего или средне-специального образования, службой в вооруженных силах, поиском работы и обустройства личной жизни, то есть заняты своей жизнью и времени на подготовку и совершение преступлений анализируемой категории практически не остается да и мыслей таких нет, потому что человек занят совершенно других, он старается наладить свою жизнь. А так как совершение таких преступлений как захват заложника или акт терроризма требует определенной подготовки: физически человек должен быть развит, приискание обмундирования, оружия и иных «декораций» требует огромных затрат.

Большинство преступлений совершаются мужчинами. Это также связано с верой лиц, которые совершают преступления анализируемой категории, поскольку женщины более слабые, а мужчины наиболее подходят

для лиц, которые в состоянии совершить террористический акт или удерживать физической силой заложников [28, с. 69].

Захват человека, его перемещение и принудительная изоляция (удержание) могут совершаться как насильственным путем, так и без насилия, например, при обмане потерпевшего. Относительно возраста и остальных критериев можно согласиться, так как в остальном криминологические характеристики личности преступника-террориста и лица, осуществившего захват заложника, совпадают.

Проведенный анализ в первой главе позволяет сделать определенные выводы.

История захвата заложника как противоправное деяние берет свое начало в древнейшие времена и ответственность за совершение указанного преступления в настоящее время закреплена во многих нормативных актах различных государств.

Под захватом заложника следует понимать противоправное завладение человеком или группой лиц путем удержания или лишения свободы передвижения с целью влияния на совершение государством, организацией или определенным лицом каких-то конкретных действий. Представляется, что такое определение необходимо закрепить непосредственно в диспозиции уголовно-правовой нормы.

В результате криминологического анализа личности установлено, что, как правило, лица, совершившие преступления анализируемой категории являются глубоко религиозными людьми; средний возраст преступников, совершивших преступления рассматриваемой категории от 18 до 30 лет. Это связано с тем, что в более молодом возрасте люди подвержены влиянию извне, то есть влиянию более опытных, более влиятельных людей; характерным признаком является отсутствие высшего образования; большинство преступлений совершаются мужчинами; указанные характеристики во многом совпадают с характерными признаками лиц, совершающих преступления террористической направленности.

Глава 2 Анализ состава преступления захвата заложника

2.1 Объективные признаки захвата заложника

Одной из важнейших отраслей права для государства и общества является уголовное право. Именно оно определяет какие действия или бездействия людей наиболее опасны для общества, предусматривает различные виды наказания за их совершение, определяет обстоятельства, исключающие преступность деяния, смягчающие и отягчающие наказание и так далее. Соответственно, основной сферой уголовного права является преступление и все сопутствующие его расследованию институты.

Согласно УК РФ, а именно части 1 статьи 14, преступлением признается виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное кодексом под угрозой наказания. Соответственно, признать какое-либо действие либо бездействие человека можно по наличию в нем обозначенных в кодексе признаков, а именно виновности, общественной опасности и законодательной запрещенности. При этом, при определении преступности совершенного действия важную роль играет не только сам факт его совершения, но и сопутствующие ему объективные и субъективные обстоятельства, которые в своей совокупности представляют такое явление уголовного права как «состав преступления».

Согласно науке уголовного права, «состав преступления представляется как совокупность объективных и субъективных признаков, которые в своем единстве и представляют противоправно совершенное общественно опасное деяние» [29, с. 315]. В понятие состава преступления входят следующие элементы: объект, объективная сторона, субъект, субъективная сторона. В настоящей главе автор постарается охарактеризовать каждого из них.

Изложение объективных признаков захвата заложника необходимо начать с того, что данное преступное деяние законодатель отнес к категории тяжких преступлений. При этом, совершение даже единичного случая такого

феномена, как захват заложника характеризуется причинением существенного материального и морального вреда, не говоря уже о том, что в основном такие захваты происходят массово. В связи с тем, что в настоящее время даже немногочисленная судебная практика свидетельствует об определенных проблемах при применении положений об ответственности за захват заложника в данной главе исследования необходимо проанализировать объективные и субъективные признаки, обозначенные в норме статьи 206 УК РФ, а также на основании данных признаков рассмотреть проблемные вопросы разграничения со смежными преступлениями.

Во-первых, это объект преступления. Как и любое другое преступление, зафиксированное в УК РФ оно подлежит традиционной уголовно-правовой классификации, предусмотренной в юридической литературе «по вертикали и горизонтали, где в первом случае выделяют общий, родовой и непосредственный объекты, а во втором – три вида непосредственных объектов: основной, дополнительный и факультативный» [30, с. 376].

Норма об ответственности за заложничество согласно своему расположению в 24 главе УК РФ подразумевает, что родовым объектом заложничества является общественная безопасность и общественный порядок, видовым объектом соответственно выступает общественная безопасность и свобода личности, непосредственным – общественная безопасность. Что касается непосредственно личности заложника, то в данном случае интересы личности имеет второстепенную роль, то есть выступают несколько в ином отношении, как объект правовой охраны, в соответствии с тем фактом, что личность заложника для преступника не принципиальна.

Так, поддерживая мнение К.В. Петрова «при захвате заложника виновного интересует в первую очередь возможность использования удерживаемого лица, а не его личность. Потерпевшие в этом случае не имеют никаких отношений с преступником» [31, с. 51]. Считаем данное утверждение правильным, так как именно данный факт отличает анализируемый состав преступления от похищения человека, предусмотренный ст. 127 УК РФ, где

личность похищаемого имеет непосредственное значение для целей преступника.

Во-вторых, что касается объективной стороны. Суть в том, что рассматриваемый нами состав преступления по своей специфике является сложным так как включает в себя ряд самостоятельных действий, каждое из которых априори образует состав деяния. То есть объективная сторона характеризуется альтернативно одним либо двумя сразу из предусмотренных в уголовном законодательстве действий: а) захватом лица в качестве заложника; б) удержанием лица в качестве заложника.

И как правило, совершение данных действий происходит в двух этапах. Первым этапом является захват и удержание заложников. При этом законодатель сформулировал данные дефиниции таким образом, что их можно отграничить друг от друга. Захват заложника в доктрине «представляет собой совершение виновным комплекса действий, опосредованных применением насилия (причем не выделено – физического или психического характера, а значит законодатель признает возможным применение обоих этих видов насилия) либо же с применением оружия (а равно – с угрозой его применения)» [32, с. 21]. Следует отметить, что хоть и законодатель по смыслу диспозиции анализируемой статьи УК РФ, сформулировал такие разные категории, как захват и удержание, но на практике мы видим, как удержание происходит после совершения захвата.

Так, например, Польшгалов был осужден по ст. 206 УК РФ за захват и удержание двенадцатилетней потерпевшей в качестве заложника под угрозой применения ножа, который осужденный приставил к шее К., потребовал пройти вместе с ним и сесть в автомобиль «УАЗ», где, удерживая потерпевшую одной рукой, а другой рукой приставляя нож к ее шее, потребовал от водителя автомобиля А. завести двигатель и начать движение, угрожая в противном случае убить потерпевшую. В этом случае судом рассмотрены два таких отдельных действия, как, во-первых, захват, а во-вторых, удержание [33].

Удержание, в свою очередь, представляет собой «ограничение свободы заложника, включающее лишение его воли на свободу передвижения (к примеру, связывание, запираение в комнате). Сам заложник или окружающие лица должны понимать и осознавать происходящее и подчиняться требованиям делинквента в силу применения последним насилия» [32, с. 21].

Так к примеру удержанием, без захвата может быть такая ситуация, где Раздобреев В.А. в присутствии своей матери Р. схватил дочь за шею, и, применяя к ней насилие, опасное для жизни и здоровья, стал угрожать ее убийством, заявив, что взорвет дом вместе со своей дочерью в случае, если она попытается выйти из дома и если ему не будут переданы денежные средства для приобретения наркотиков. Опасаясь за свою жизнь и здоровье, Р. подчинилась требованиям и осталась дома [34].

Необходимо подчеркнуть, что такое насилие не должно быть опасным для жизни или здоровья. Когда же оно представляет реальную угрозу жизни либо здоровью, квалификация деяния происходит по ч. 2 ст. 206 УК РФ. При этом дополнительной квалификации по статьям 116 или 117 УК не требуется, так как квалифицированный состав рассматриваемого уголовно-правового деликта «поглощает» составы данных преступлений. И хоть это прямо не указано не в самой статье УК РФ, не в разъясняющей ее специальном Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 24.12.2019 N 58 «О судебной практике по делам о похищении человека, незаконном лишении свободы и торговле людьми» [35], но обоснованием является правило квалификации (конкуренции части и целого), согласно которому, если санкция отягчающего состава составного преступления (норма-целое) равная или более строгая, чем санкция нормы-части этого состава, связанная с причинением вреда здоровью, то не требуется дополнительной квалификации по норме-части, что соответствует принципу справедливости наказания (ст. 6 УК РФ) [36, с. 41].

По этой же логике соответственно квалифицируются деяния при умышленном причинении смерти заложнику, предусмотренные ч. 4 ст. 206 УК РФ. Данную позицию поддерживают многие ученые, а также судебные

органы, которые в разъяснениях правил квалификации смежных преступлений указывают, что наступление смерти в результате умысла преступника предполагает квалификацию в соответствующей части статьи Особенной части УК РФ.

Однако существуют и противники данного подхода, которые в обосновании своей позиции приводят достаточно спорные аргументы. Во-первых, они считают, что данная норма противоречит позиции, озвученной в Постановлении Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам об убийстве» где указано, что «совершение преступлений, сопряженных с убийством, требует дополнительной квалификации». Во-вторых, они считают, что преступление, предусмотренное ч. 4 ст. 206 УК РФ менее общественно-опасно чем преступление, предусмотренное ст. 105 УК РФ, ссылаясь на тот факт, что в первом случае наказание меньше. И в-третьих, оперируют тем, что в смежных составах преступлений (ст. 126 и 127 УК РФ) подобного квалифицирующего признака нет, и соответственно при таком деянии и соответствующем последствии квалификация будет осуществляться по правилам совокупности преступлений. Тем самым будет нарушена логика законодателя о наказании, ведь тогда получается, что в случае убийства при похищении человека или незаконном лишении свободы деяния, предусмотренные ст. 127 и 126 УК РФ, более общественно опасны, чем захват заложника.

Считаем данные аргументы несостоятельными, ведь если сравнивать ч. 2 ст. 105 и ч. 4 ст. 206 УК РФ сложно сказать, что во втором случае при одних и тех же последствиях данное преступление менее общественно-опасно, ведь наказание за эти два преступления практически идентичные.

Однако, по нашему мнению, здесь все же существует определенная проблема. По нашему мнению, ч. 4 т. 206 УК РФ нарушает логическую структуру уголовного законодательства. Считаем, что умышленное причинение смерти другому лицу не может быть квалифицирующим

признаком другого преступления, в том числе и захвата заложников, а должно являться самостоятельным составом преступления.

Что касается второго этапа после самого действия по захвату и удержанию заложников, то как правило, происходит выдвижение требований в качестве условия для освобождения. Требования выдвигаются в сторону госорганов, их должностных лиц, организаций или отдельных лиц и нацелены на побуждение к определенным действиям.

Данные требования являются целью в феномене заложничества и выступают необходимым для квалификации элементом, при этом не являются обязательным признаком объективной стороны. Их принято рассматривать в качестве элемента субъективной стороны преступления. Данный субъективный критерий и объективная сторона преступления напрямую взаимосвязаны: «Объективную сторону захвата заложника нельзя представить в разрыве от субъективного критерия, а субъективная сторона в свою очередь порождает объективную сторону преступления» [37, с. 10].

Таким образом, объективная сторона предполагает все методы и средства насильственного удержания или захвата мирного человека. Овладение его свободой может проводиться тайно или открыто. Содержание требований, предъявляемых захватчиком, не имеют значения для квалификации преступления, но при этом необходим сам факт наличия данных требования от преступников.

2.2 Субъективные признаки захвата заложника

В данной части исследования, в соответствии с его задачами проведен анализ субъективных признаков состава анализируемого преступления. Как известно, в теории уголовного права «под субъективной стороной состава преступления понимается совокупность предусмотренных уголовным законом признаков, характеризующих психическое отношение лица к совершаемому деянию, содержащему данный состав» [38, с. 202]. Это значит,

что «субъективная сторона преступления нечто иное, как психическая деятельность лица, непосредственно связанная с совершением преступления» [39, с. 73].

Перед тем, как перейти к анализу аспектов, связанных с субъективной стороной исследуемого типа преступлений, важно провести анализ самого субъекта. Ведь, согласно общепринятому традиционному мнению, субъективные признаки состава преступления включают в себя как субъективную сторону, так и субъект преступления.

И так, субъектом преступления является то лицо, которым непосредственно осуществлялись действия или бездействие, запрещенное УК РФ. Уголовный кодекс РФ не раскрывает содержание понятия «субъект преступления», используя этот термин только в ч. 4 ст. 34 [40, с. 16].

Для того, чтобы лицо стало подозреваемым либо обвиняемым по уголовному делу (процессуальный статус субъекта преступления) необходимо обязательное наличие предусмотренных УК РФ следующих условий (юридических признаков): возраст наступления уголовной ответственности (по общему правилу, уголовная ответственность наступает в 16 лет, в исключительных случаях – с 14 лет), вменяемость (лицо должно осознавать и понимать характер своих действий); если нормой УК РФ определено, что преступление может совершить лицо с конкретными, дополнительными признаками, то речь уже идет о специальном субъекте преступления [41, с. 409]. В итоге субъектом анализируемого автором преступления может быть только физическое вменяемое лицо определенного возраста. Рассмотрим данные признаки немного подробнее.

Признак, предусматривающий, что субъектом преступления может быть только физическое лицо не нуждается в анализе, так как что такое физическое лицо понятно. Единственное что хочется здесь добавить, что в российском праве не предусмотрена уголовная ответственность юридических лиц, животных, предметов и т.п. ни по какому-либо преступлению, предусмотренному УК РФ, даже не смотря на актуализацию в последнее время

проблемы признания юридического лица субъектом преступления [42, с. 8], законодательного закрепления данный подход пока не нашел.

Что касается такого признака как вменяемость, то ему не дано определение в российском уголовном праве. Однако в ст. 21 УК есть понятие невменяемости, в соответствии с которым невменяемым признается лицо не способное руководить своими действиями и даже осознавать их общественную опасность в силу определенных расстройств организма, как временных, так и постоянных. В соответствии с данным определением можно пойти от обратного и сказать, что вменяемость – это полная противоположность невменяемости и может восприниматься в науке уголовного права как способность лица во время совершения преступления полностью правильно осознавать характер своих действий и опасность их последствий, а также руководить своими действиями.

Что касается такого признака как возраст уголовной ответственности, причем обязательного наряду с вменяемостью, то по поводу него в науке идут оживленные дискуссии, которые, как нам кажется, никогда не закончатся, так как у каждой из противоборствующих сторон есть убедительные аргументы. Суть в том, что статья 20 УК РФ непосредственно называет возраст, по достижении которого должна наступать уголовная ответственность, — лицо, достигшее ко времени совершения преступления 16-летнего возраста. При этом в этой же статье конкретизируется, что за захват заложника уголовная ответственность наступает с 14-летнего возраста.

Противники такого подхода законодателя, как Э.П. Киселёв [43, с. 80], В.А. Осипов считают, что установление такого возраста является «нецелесообразным, поскольку в этом возрасте человек не может осознавать в полном объеме фактическую сторону своих действий, направленных на захват заложника» [1, с. 32]. Автор поясняет это тем, что «совершение данного деяния предполагает открытое противостояние не только заложнику, но и органам внутренних дел, а также, действовать сознательно, выдвигать определённые требования, преднамеренно подвергать себя огромному риску

для достижения своей цели» [1, с. 32]. Такого рода действия требуют определённых качеств, как физического, так и психического характера, которые присущи обычно взрослому человеку. Именно поэтому перманентные решения российского законодателя о том, что в перечень преступлений с повышенной уголовной ответственностью должна входить ст. 206 УК РФ, где ответственность наступает с 14 лет, нельзя считать глубоко проработанными и научно обоснованными. Такие решения иногда вызывают сомнения и с точки зрения их практической обоснованности. Ведь по данным статистики автор не нашел ни одного осужденного по ст. 206 УК РФ младше 16 лет. Из этого следует логичный вывод, что малолетние не совершают такие преступления. Но это и логично, ведь для того чтобы решиться на такое, необходимо иметь определенные физические и моральные качества, которые не присущи малолетним гражданам.

Оппоненты утверждают, что нецелесообразно отказываться от возраста уголовной ответственности в 14 лет, только лишь на основании отсутствия прецедентов осуждения малолетних. Ведь ни теоретически, ни практически подобные решения законодателя не должны быть исключены, поскольку не только преступность молодеет, но и уголовно-правовое противодействие ей трансформируется [44, с.50].

Возвращаясь к аспектам, связанным с субъективной стороной исследуемого типа преступлений, отметим, что такое преступление как захват заложника может быть совершено только исключительно с умышленной формой вины. Согласно ч. 2 ст. 25 УК РФ преступление признается совершенным с прямым умыслом, если лицо осознавало общественную опасность своих действий (бездействия), предвидело возможность или неизбежность наступления общественно опасных последствий и желало их наступления.

Некоторые ученые выражают недовольство конструкцией нормы ст. 25 УК РФ, согласно которой, если лицо осознавало общественную опасность своих действий (бездействия), предвидело возможность или неизбежность

наступления общественно опасных последствий и желало их наступления, то это прямой умысел. Учитывая тот факт, что заложничество имеет формальный состав, то имеющаяся в ст. 25 УК РФ дефиниция, не совсем корректна. Объясняя причину такой некорректности И.Г. Говоров предлагает скорректировать редакцию ст. 25 УК РФ в следующей интерпретации «если лицо осознавало или не могло не осознавать общественную опасность своих действий (бездействия), предвидело или не могло не предвидеть возможность или неизбежность наступления общественно опасных последствий и желало их наступления. Деяние признается совершенным с прямым умыслом в преступлениях, составы которых не имеют указания на наступление общественно опасных последствий, если лицо осознавало или не могло не осознавать общественную опасность своих действий или бездействия и желало его совершения» [45, с. 32].

Временной промежуток между моментом возникновения и моментом реализации умысла различен, он может быть длительным, или кратким [46, с. 81]. Соответственно умысел может возникнуть внезапно, а может заранее планироваться. И чаще всего он зависит от конкретной сложившейся ситуации или обстановки в определенный момент. А на практике даже встречаются ситуации, когда внезапно возникший умысел может быть неожиданным и для самого захватчика заложника. Но для квалификации преступления данный момент значения не имеет.

Помимо исключительно прямого умысла, психическая активность лица при совершении такого преступления, как захват заложника образует еще три признака состава преступления – это мотив, цель и эмоции.

Для получения желаемого результата лицо выдвигает требование, решение которого подкрепляется определенным условием. Мотивы преступления, выражающиеся в требованиях, могут заключаться в предоставлении денежных средств, оружия, транспортных средств, а также могут быть политическими, как, например, прекращение боевых действий в

Сирийской Арабской Республике, этнические, религиозные, экстремистские, сепаратистские и другие.

Так, например, К. совершил захват и удержание заложницы с целью защиты от действий со стороны свидетелей, а также выставил требование к полицейским о предоставлении ему автомобиля [47].

Перечень мотивов преступников уголовным законодательством не ограничен, и при этом, и на квалификацию данные мотивы также никак не влияют. Исключение составляет единичный случай прописанный в п. 3 ч. 2 ст. 206 УК РФ, который предусматривает корыстный мотив в качестве отдельного отягчающего деяние обстоятельства, то есть из корыстных побуждений или по найму. Только в этом случае мотив играет роль для квалификации преступления для применения более тяжкого наказания по отношению к первой (общей) части данной статьи и соответственно в этом случае становится не факультативным признаком объективной стороны, а обязательным.

Но если мотив анализируемого преступления не всегда является обязательным признаком объективной стороны, то цель в данном конкретном преступлении – всегда обязательный признак. Без ее наличия не может быть состава преступления. Суть в том, что мотив преступления – это побуждение преступника к противоправному действию, а именно к захвату или удержанию заложника, а цель – это конкретный желаемый преступником результат своих действий. И все цели, предусмотренные законодателем для данного преступления перечислены в ст. 206 УК РФ. К ним согласно нормы относятся «понуждение государства, организации или гражданина совершить какое-либо действие или воздержаться от совершения какого-либо действия как условия освобождения заложника». Поэтому отсутствие данных целей или хотя бы одной из них однозначно свидетельствует об отсутствии состава такого преступления как захват заложника.

В свое время А.Н. Хоменко сказал, что «неправильное и необоснованное уяснение сущности мотива или цели виновного лица влечет за собой судебные

ошибки и рост числа апелляционных, кассационных приговоров судов. Ввиду этого, важно помнить, что именно мотив и цель определяют поведение человека, стимулируют его на совершение преступления, предусмотренного ст. 206 УК РФ, создают образ желаемого результата, выступают толчком, побудителем к действиям» [48, с. 72-74]. Считаем, что следует с этим мнением согласиться.

Эмоции – это душевные переживания, чувства. Данный признак никак не влияют на правильную квалификацию захвата заложников. Однако, во избежание также судебных ошибок Верховный Суд РФ требует полноценного анализа всех признаков субъективной стороны, в том числе и процессов, которые происходят в психике виновного.

Таким образом, завершая анализ субъективных признаков противоправных деяний, связанных с захватом заложников, необходимо отметить, что, во-первых, захват заложников может реализовываться преступником исключительно только с прямым умыслом, причем как с внезапно возникшим, так и с заранее обдуманым.

Обязательным признаком субъективной стороны преступления является наличие одной из целей, перечисленных в диспозиции статьи 206 УК РФ. Характер предъявляемых виновным требований не имеет значения для квалификации. Субъектом преступления является вменяемое физическое лицо, достигшее 14-летнего возраста.

2.3 Квалифицирующие признаки захвата заложника. Разграничение захвата заложников и связанных с ним преступлений

Квалифицирующие признаки, в тоже время и отягчающие обстоятельства предусмотрены в УК РФ в соответствующей ст. 206 в ч.ч. 2-4.

Так, первый квалифицирующий признак захвата заложника, предусмотренный в п. «а» ч. 2 ст. 206 УК РФ включает в себя деяние,

совершенное группой лиц по предварительному сговору. Соответственно по мнению законодателя в преступлении должны участвовать лица, заранее договорившиеся о совместном совершении захвата заложника. Сговор может быть в любой форме, как в словесной, так и, например, в форме жеста. Но как показывает практика, захват заложников часто происходит экспромтом, вследствие чего некоторые авторы предлагают дополнить п. а ч. 2 ст. 206 УК РФ немного другим квалифицирующим признаком – группа лиц. То есть сделать просто группу лиц и группу лиц по предварительному сговору. Однако считаем такое нововведение нецелесообразным по следующей причине. Умысел на захват заложника может быть внезапно возникшим, а может быть и заранее продуманным. В случае, если захват заранее продуман несколькими лицами, то в этой ситуации автор не видит никакой проблемы. А вот если умысел на захват заложника возник внезапно, то в этом уже начинается некая проблема, о которой говорят другие авторы, предлагающие ввести новый квалифицирующий признак как «группа лиц». По нашему мнению, проблемы никакой здесь нет. Представим ситуацию, когда несколько преступников и один из них хочет захватить заложника. Он это делает, а второй преступник в это время, что делает? Поддерживая первого преступника, удерживая после захвата заложника он своими любыми словами или действиями автоматически соглашается с первым преступником, соответственно в этот момент и получается предварительный сговор. Поэтому, по нашему мнению, не следует усложнять норму дополнительными квалифицирующими признаками.

Второй квалифицирующий признак – это применение насилия, опасного для жизни или здоровья. Его понятие в настоящее время не вызывает особых дискуссий. «Под применением насилия, опасного для жизни или здоровья, в п. «в» ч. 2 ст. 206 УК РФ понимается причинение тяжкого, средней тяжести или легкого вреда здоровью в ходе захвата заложника, а также создание реальной угрозы причинения вреда жизни или здоровью потерпевшего. При этом фактическое причинение перечисленного вреда полностью охватывается

данным признаком и дополнительной квалификации по ст.ст. 111, 112, 115, 117 УК РФ не требует».

Третий квалифицирующий признак, такой как с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия, как правило применяется для подкрепления своих требований, а также психического воздействия на заложника виновным лицом применяется оружие или предметы, используемые в качестве оружия. В этом случае преступление квалифицируется по п. «г» ч. 2 ст. 206 УК РФ. Что под собой подразумевает понятие «оружие» указано в Федеральном законе «Об оружии». Законодатель при описании данного квалифицирующего признака не применяет термин «насилие», однако, по нашему мнению, следует согласиться с теми исследователями, которые считают, что «все преступления, в которых в качестве признака состава названо применение оружия либо предметов, используемых в его качестве, сопряжены с насилием, причем опасным для жизни или здоровья. Так, к применению вооруженного насилия следует относить не только использование оружия для причинения вреда жизни или здоровью, но и угрозу использовать его по назначению» [49, с. 23]. В пользу этого вывода служит и то обстоятельство, что за захват заложника с применением насилия, опасного для жизни или здоровья (п. «в» ч. 2 ст. 206 УК РФ), и с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия (п. «г» ч. 2 ст. 206 УК РФ), предусмотрено одинаковое наказание.

Для квалификации по четвертому признаку «в отношении заведомо несовершеннолетнего» лицо заранее должно знать или предполагать, что захватывает или удерживает несовершеннолетнего, т.е. лицо, не достигшее 18-летнего возраста.

Так, например, в приведенном в настоящем исследовании ранее примере Полыгалов был осужден по ст. 206 УК РФ (несколько пунктов в том числе и п. г ч. 2 ст. 206 УК РФ - «в отношении заведомо несовершеннолетнего») за захват и удержание двенадцатилетней потерпевшей в качестве заложника под угрозой применения ножа, который осужденный приставил к шее К.,

потребовал пройти вместе с ним и сесть в автомобиль «УАЗ», где, удерживая потерпевшую одной рукой, а другой рукой приставляя нож к ее шее, потребовал от водителя автомобиля А. завести двигатель и начать движение, угрожая в противном случае убить потерпевшую [33]. Доводы защиты, которые сводились к тому, что подсудимый впервые увидел потерпевшую только 23 апреля 2017 г. и ранее ее не знал, суд признал несостоятельными по тем основаниям, что подсудимый объективно правильно воспринимал и оценивал внешний вид и возраст потерпевшей, которой в момент совершения в отношении нее противоправных действий было 12 лет, что объективно свидетельствует об осознании и понимании Польшгаловым того факта, что потерпевшая являлась несовершеннолетней.

Пятый признак похож по своему содержанию с четвертым, а именно «в отношении женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности». В данном случае, захватчик должен достоверно знать о беременности женщины и понимать, что подвергает опасности уже не одну жизнь, а более.

Шестой квалифицирующий признак применим в случае, когда захватываются или удерживаются два или более лица. Так, например, произошло в ходе захвата заложников 23 мая 2020 года в Москве в здании «Альфа-банка» на улице Земляной Вал. Мужчина удерживал сразу шестерых человек. Или 9 апреля 2020 года в Пятигорске 29-летний мужчина, находясь в квартире своей сестры, захватил в качестве заложников хозяйку квартиры и двух ее несовершеннолетних детей. При этом он высказал ряд требований, в том числе о передаче ему денежных средств и предоставлении возможности покинуть территорию РФ. Еще один пример, как 20 ноября 2019 года в квартире дома в центре Ростова-на-Дону сотрудник следственного управления захватил в заложники членов своей собственной семьи. Таких примеров в настоящее время можно приводить очень много.

В п. «з» ч. 2 ст. 206 УК РФ (седьмой квалифицирующий признак) предусматривается ответственность за захват заложника из корыстных

побуждений или по найму, что предполагает получение виновным материальной выгоды от факта освобождения заложника.

В случае если в действиях лица содержится несколько квалифицирующих признаков, то ему инкриминируется вся их совокупность.

Так, например, Завагин Е.А. признан виновным и осужден по п. п. «в», «г», «д», «ж», «з» ч. 2 ст. 206, ч. 1 ст. 139 УК РФ за незаконное проникновение в состоянии наркотического опьянения в жилой дом против воли проживающих в нем В. и заведомо для него несовершеннолетней В., а также за захват и удержание их в качестве заложников с применением насилия, опасного для жизни и здоровья, с применением предмета (ножа), используемого в качестве оружия, и в целях получения наркотического средства - героина, то есть из корыстных побуждений [50].

Воробьев признан виновным и осужден по п. п. «г», «д» ч. 2 ст. 206 УК РФ за захват и удержание своей дочери в качестве заложника, совершенные в 2018 г. в целях понуждения гражданина и государства совершить действие как условие освобождения заложника с применением предмета, используемого в качестве оружия [51].

Также законодатель предусмотрел в ч. 3 ст. 206 УК РФ такие особо отягчающие обстоятельства, как захват заложника, повлекший по неосторожности смерть человека или иные тяжкие последствия. Последствие в виде смерти человека полностью охватывается обозначенным признаком, и дополнительной квалификации по ст. 109 УК РФ не требуется. При этом необходимо установить неосторожную форму вины к наступлению указанного последствия при совершении захвата заложника.

Обращаясь к особо отягчающему обстоятельству в виде иных тяжких последствий, следует указать, что в законе его признаки не раскрываются. К иным тяжким последствиям применительно к ч. 3 ст. 206 УК РФ могут относиться причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью нескольким лицам, нанесение крупного имущественного ущерба, дезорганизация деятельности органов публичной власти, длительное

нарушение работы предприятий и (или) учреждений независимо от их ведомственной принадлежности, формы собственности, организационно-правовой формы, самоубийство заложника, смерть родственников заложника и т.д. Современная судебно-следственная практика свидетельствует о том, что установление данного признака следует осуществлять, исходя из конкретных обстоятельств совершения преступления.

Также еще одним особо квалифицирующим признаком является умышленное причинение смерти человеку при захвате заложника, которое предусмотрено ч. 4 ст. 206 УК РФ. При этом смерть может быть причинена как заложнику, так и иным лицам, например, очевидцам совершаемого преступления, лицу, ведущему переговоры с захватчиком, и т.д. По поводу включения в состав анализируемой статьи данного особо квалифицирующего признака в науке высказано множество отрицательных отзывов исследователей, позиции которых будут рассмотрены в третьей главе настоящего исследования.

Далее необходимо перейти к вопросам отграничения анализируемого нами состава преступления, предусмотренного ст. 206 УК РФ и смежных с ним таких составов как похищение человека, предусмотренное ст. 126 УК РФ, незаконное лишение свободы, предусмотренное ст. 127 УК РФ, а также террористический акт, предусмотренный ст. 205 УК РФ.

Понятие смежности составов к предмету настоящего исследования не имеет никакого отношения, поэтому просто без особой дискуссии отметим, что смежными составами преступлений считаются составы, которые включают в себя несколько общих признаков, но по каким-то признакам отличаются [52, с. 176-177].

Большинство ученых склоняется к тому, что в УК РФ существуют две нормы, предусматривающие наказание за внешне схожие деяния, такие, как похищение человека (ст. 126 УК РФ) и захват заложника (ст. 206 УК РФ), отличающиеся по объекту преступления и расположенные в разных главах. Разграничение проводится по совокупности объективных и субъективных

признаков, к которым относится место совершения преступления. Если при похищении человека (ст. 126 УК РФ) для виновного имеет значение личность потерпевшего, которого захватывают и перемещают в пространстве, при этом скрывая факт похищения, то при захвате заложника (ст. 206 УК РФ) его, как правило, удерживают в месте захвата и личность потерпевшего значения для виновного не имеет, факт захвата не скрывают, чтобы понудить государство или организацию совершить какое-либо действие или воздержаться от такового. Следовательно, разграничение сфер общественных отношений, выступающих объектом преступлений, предусмотренных ст. 126, 206 УК РФ, происходит по таким признакам, как потерпевший, место и цель совершения преступления [53, с. 75]. Соответственно к признакам разграничения этих преступлений можно отнести, во-первых, известность места содержания потерпевшего, во-вторых, значение личности в конкретном случае для преступника, а также различные компоненты состава деяния, такие как мотив и цель, что впоследствии сказывается еще и на разном уровне социальной опасности [54, с. 514].

Также автор предлагает обратить внимание на ст. 206 УК РФ, главной особенностью которой является наличие требований, направленных государству, организациям, отдельным лицам с возможной угрозой наказания заложников. Заложники выполняют функцию эквивалента, которым преступники расплачиваются при выполнении требований. Лица, осуществляющие захват заложников, действуют открыто, не скрывая характера действий. Нередко «захватчики» стремятся вызвать общественный резонанс, демонстративно выступая в средствах массовой информации [55, с. 10].

Аналогично представляется происходит отличие ст. 127 УК РФ от 206 УК РФ, так как статья 127 и ст. 126 УК РФ являются смежными статьями между собой, находятся в одной главе и обладают схожими признаками как объективной, так и субъективной стороны. Соответственно, так же, как и при похищении человека при незаконном лишении свободы, непосредственным

объектом являются отношения, обеспечивающие свободу, честь и достоинство личности. Однако, при захвате заложника, отношениям по обеспечению свободы человека вред причиняется уже как дополнительному объекту. В связи с этим, можно сделать вывод, что захват заложника отличается от похищения человека и незаконного лишения свободы по объекту посягательства. При этом еще и формулировка статьи 127 УК РФ исключает все действия, подпадающие под состав похищения человека.

Вроде бы все предельно понятно, однако проблемы правильной квалификации деяний, связанных с физической свободой человека (дополнительный объект при захвате заложников), постоянно возникают в судебно-следственной деятельности, особенно когда за освобождение человека виновные требуют выкуп. Соответственно сложности отграничения похищения человека от захвата заложника все-таки существуют.

Так, например, «судом со ст. 206 УК РФ на ст. 126 УК РФ были обоснованно переквалифицированы действия А., который обманным путем вывез Б. за пределы Омской области, удерживал его в одном из городов Кавказского региона и требовал от жены Б. определенную сумму денег за освобождение ее мужа».

Во избежание таких проблемных моментов представляется правильным в текст уголовного закона добавить такие дефиниции в диспозиции анализируемых статей, как похищение, незаконное лишение свободы и захват заложника для того, чтобы различия в них были очевидны и можно было бы избежать проблем квалификации данных действий. Соответственно, автор предлагает сделать два дополнения.

Во-первых, добавить в ст. 126 УК РФ определение похищения в следующей редакции: «похищение человека это его незаконные захват, перемещение в место, отличное от места его проживания, и последующее удержание».

Во-вторых, в ст. 127 УК РФ определить понятие незаконного лишения свободы, под которым следовало бы понимать «полное ограничение свободы

передвижения человека». Считаем, что благодаря таким определениям будет проведена точная грань разделения данных составов преступления.

Также еще одним смежным составом преступления к захвату заложника можно назвать террористический акт, предусмотренный ст. 205 УК РФ. При этом по мнению многочисленных исследователей норма о террористическом акте является общей по отношению к захвату заложника, которая является специальной [56, с. 167]. По нашему мнению, данное утверждение об общей норме и специальной правильное, а вот утверждение о смежности данных норм (за исключением только лишь общей цели данных составов преступлений) автор не поддерживает. Ведь при квалификации деяний, что террористического акта, что захвата заложника эти деяния невозможно как-то ступать.

В связи с тем, что обе рассматриваемые статьи находятся в одной и той же главе, то видовой объект у них идентичный. Однако они различаются по дополнительному объекту, которым в случае захвата заложника является лицо, захваченное или удерживаемое в качестве заложника, вернее его жизнь, здоровье и свобода личности. А в террористическом акте дополнительным объектом являются общественные отношения, обеспечивающие помимо безопасности жизни и здоровья личности, также права собственности, не связанные с порядком распределения материальных благ, а также нормальное функционирование органов государственной власти и международных организаций. В связи с тем, что дополнительный объект террористического акта включает в себя дополнительный объект захвата заложника можно поддержать мнение исследователей, которые говорят, что эти нормы соотносятся как общая и специальная. Однако, у этого высказывания есть противники, которые считают, что это просто различные преступления с одним лишь объектом - общественная безопасность [57, с. 46]. Считаем это утверждение несостоятельным по причинам, описанным выше.

Автор настоящего исследования также хотел бы отметить, что у этих двух преступлений совершенно разная объективная сторона. В случае

террористического акта – это взрыв, поджог или иные действия, устрашающие население и создающие опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий, либо угроза совершения указанных действий [58, с. 72]. А в случае захвата заложника преступник создаёт опасности только лишь для определенного человека. Создание опасности для неопределенного круга лиц в теории возможно, но на практике происходит только тогда, когда захват заложника является составной частью террористического акта.

Преступление признается оконченным в момент выполнения действий, входящих в объективную сторону преступления. Если деяние пресечено на стадии захвата потерпевшего, то действия виновных следует расценивать как покушение на похищение человека. Момент окончания преступления определяется фактом перемещения и удержания лица против его воли в определенном похитителем месте. Субъектом выступает любое физическое вменяемое лицо, достигшее 14-летнего возраста. Субъективная сторона преступления характеризуется прямым умыслом.

Также некоторые исследователи считают смежными составами к захвату заложников ст. 211 УК РФ – Угон судна воздушного или водного транспорта либо железнодорожного подвижного состава, ст. 277 УК РФ - Посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля, ст. 278 УК РФ - Насильственный захват власти или насильственное удержание власти, ст. 279 УК РФ – Вооруженный мятеж, ст. 360 УК РФ – Нападение на лиц или учреждения, которые пользуются международной защитой. При этом, отметим, что, квалифицируя деяние, правоприменитель неизбежно сталкивается с необходимостью анализа составов преступлений, схожих с ним по объективным и субъективным признакам, чтобы впоследствии не допустить ошибки в выборе нужной нормы УК РФ. Однако, в случае с этими статьями ошибок быть не может, так как в основном смежные составы преступления отличаются друг от друга по одному, максимум двум признакам, все остальные признаки являются общими.

Проведенный анализ во второй главе позволяет сделать определенные выводы и обобщения.

Объективная сторона предусматривает все способы и методы насильственного удержания или захвата мирного человека. Завладение его свободой может проводиться тайно или открыто. Содержание требований, предъявляемых захватчиком, не имеют значения для квалификации преступления, но при этом необходим сам факт наличия данных требования от преступников.

Обязательным признаком субъективной стороны преступления является наличие одной из целей, перечисленных в диспозиции статьи 206 УК РФ. Характер предъявляемых виновным требований не имеет значения для квалификации. Субъектом преступления является вменяемое физическое лицо, достигшее 14-летнего возраста.

Одним из смежным составом преступления к захвату заложника можно назвать террористический акт, предусмотренный ст. 205 УК РФ. При этом по мнению многочисленных исследователей норма о террористическом акте является общей по отношению к захвату заложника.

Значение субъективных признаков для квалификации весьма велико, поскольку, как уже отмечалось, нет схожих преступлений по субъективным признакам, каждое индивидуально и требуется установить всю совокупность элементов субъективной стороны преступного деяния в целях установления объективной истины по делу.

Глава 3 Пути совершенствования уголовно-правовых мер противодействия захвату заложника

3.1 Меры по предупреждению захвата заложников

Для того чтобы осветить меры по предупреждению захвата заложников необходимо изначально сказать, что мировое сообщество признает захват заложников в качестве терроризма. Поэтому антитеррористическое законодательство также применимо к захвату заложников.

Существуют международные, а также принятые на их основании документы, регулирующие определенные сферы деятельности правоохранительных органов в сфере борьбы с преступностью и захватом заложников. К основному такому документу относится Международная конвенция о борьбе с захватом заложников (1979) [14]. Этот акт предусматривает разнообразные меры содействия реальному осуществлению соглашений по предупреждению захвата заложников.

А что касается Российской Федерации, то захват заложников является одной из наиболее существенных угроз национальной безопасности государства. В связи с этим особую роль приобретает грамотная организация правовой политики противодействия захвату заложников, в рамках которой вырабатываются меры реагирования на возникающие угрозы. Также отметим, что национальная безопасность является одним из главнейших приоритетов политики не только Российской Федерации, но и всех стран современного мира. И сегодняшняя обстановка, которая сопровождается недавними событиями на Украине и в Белоруссии свидетельствует о том, что наша национальная безопасность подвержена множеству угроз.

Среди нормативно – правовой базы в Российской Федерации существует некоторые документы, по планированию и разработке системы эффективного обеспечения национальной безопасности нашей страны.

Среди них базовым документом по планированию развития системы обеспечения национальной безопасности Российской Федерации является Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [59]. На сегодняшний день захват заложников является угрозой национальной безопасности для любого государства. Важно понимать, что данное негативное явление имеет довольно сложную структуру и содержание, которые направлены на подрыв национальной безопасности, а также угрожает развитию государства, в связи с чем возникает необходимость осуществления противодействия данному преступлению на всех уровнях. В Стратегии национальной безопасности указывается, что терроризм и сопряженный с ним захват заложников представляет угрозу для экономической, социальной, духовной, внутриполитической, военной, территориальной, информационной безопасности государства. В Стратегии в качестве ключевых причин, обуславливающих развитие терроризма, выделяются:

- стремление изолировать РФ от мирового сообщества, а также применение двойных стандартов при ведении внешней политики другими государствами;
- продолжающаяся эскалация напряжённости в зонах конфликтов на территориях постсоветского пространства, Корейского полуострова, Северной Африки, Афганистана, а также стран Ближнего Востока;
- использование деструктивных сил, внешнего и внутреннего характера, направленных на стимулирование негативных социальных процессов, обострения конфликтов на межконфессиональной и межнациональной почве, усиление пропагандистской работы экстремистских и террористических организаций, которые накладываются на существующие социально-экономические трудности государства;
- использование террористическими и экстремистскими организациями информационно-телекоммуникационных

технологий и сетей для распространения материалов террористического и экстремистского характера, призывов к ведению террористической деятельности, организации и участию в массовых беспорядках, идеологии криминального образа жизни.

Стратегия также обозначает категорию национальной безопасности как состояние защищенности национальных интересов Российской Федерации от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан, достойные качество и уровень их жизни, гражданский мир и согласие в стране, охрана суверенитета Российской Федерации, ее независимости и государственной целостности, социально-экономическое развитие страны.

Что касается вышеупомянутой Стратегии, то это новый документ, пришедший на смену ранее действовавшей Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683. В настоящее время данная стратегия является утратившей силу. И как мы видим в новой Стратегии изменен подход в определении понятия «национальная безопасность Российской Федерации».

Национальной безопасностью названо состояние защищенности национальных интересов Российской Федерации от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан, достойные качество и уровень их жизни, гражданский мир и согласие в стране, охрана суверенитета Российской Федерации, ее независимости и государственной целостности, социально-экономическое развитие страны (подп. 1 п. 5). Где национальные интересы Российской Федерации определены как объективно значимые потребности личности, общества и государства в безопасности и устойчивом развитии (подп. 2 п. 5).

Утратившая силу Стратегия определяла национальную безопасность как состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных

прав и свобод граждан, достойные качество и уровень их жизни, суверенитет, независимость, государственная и территориальная целостность, устойчивое социально-экономическое развитие Российской Федерации.

Другими словами, национальная безопасность теперь характеризуется как состояние защищенности не личности, общества и государства непосредственно, а их объективно значимых потребностей в безопасности и устойчивом развитии от внешних и внутренних угроз.

Соответственно, на первый план выходят вопросы: в чем выражаются именно потребность в безопасности и потребность в устойчивом развитии, что понимать непосредственно под безопасностью и устойчивым развитием, как определять объективную значимость потребностей и, тем более, их большую или меньшую значимость в отношениях между личностью и обществом, личностью и государством, обществом и государством, а также личностью, обществом и государством, тем более – при конфронтации в восприятии значимости интересов?

Важно понимать, что правовое регулирование деятельности по противодействию захвата заложников является ключевым элементом системы по противодействию терроризму на национальном и международном уровнях в целом.

Одним из основных нормативно-правовых актов, регулирующих правоотношения, возникающие в связи с противодействием терроризму, является Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму», который определяет правовые и организационные основы борьбы с терроризмом в Российской Федерации, субъектов этой деятельности, основы их взаимодействия, роль иных государственных и негосударственных органов и граждан в противодействии терроризму. Основными принципами борьбы с терроризмом признаются:

- обеспечение и защита основных прав и свобод человека и гражданина;
- законность;

- приоритет защиты прав и законных интересов лиц, подвергающихся террористической опасности;
- неотвратимость наказания за осуществление террористической деятельности;
- системность и комплексное использование политических, информационно-пропагандистских, социально-экономических, правовых, специальных, а также иных мер противодействия терроризму;
- сотрудничество государства с общественными и религиозными объединениями, международными и иными организациями, гражданами в противодействии терроризму;
- приоритет мер предупреждения терроризма [60].

В данном законе также устанавливаются цели борьбы с терроризмом, к коим следует относить выявление причин, условий и факторов, способствующих ведению террористической деятельности, обеспечение защиты личности, общества и государства от угроз террористического плана, противодействие террористической деятельности, а также минимизация негативных последствий, возникших в связи с террористической атакой. Данные цели также можно применить и к захвату заложников по аналогии.

Также еще один нормативно-правовой акт, который возможно применить к мерам по противодействию захвата заложников это «Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации», в котором говорится об основных тенденциях современной преступности данной направленности [61].

Рассматриваемый документ содержит в себе комплексный подход к регулированию деятельности, связанной с противодействием терроризму, затрагивающий все сферы жизни общества и государства. К примеру, в области политической жизни общества и государства в качестве мер, направленных на противодействие терроризму, выделяются стабилизация социально-экономической ситуации, соблюдение и уважение интересов

различных слоёв общества, а также развитие сотрудничества в сфере противодействию терроризму на международном и региональном уровнях. Концепцией также рассматриваются не только разные сферы жизни государства и общества, но также способы предотвращения террористических угроз.

Противодействие терроризму в экономической сфере жизни общества и государства предполагает формирование необходимых условий, обеспечивающих сокращение социального и имущественного расслоения в обществе, стабилизация уровней и темпов развития субъектов РФ, а также формирование действенных правовых механизмов социальной защиты граждан и противодействие распространению маргинальных взглядов.

В духовно-идеологической сфере противодействие терроризму заключается в проведении активной пропаганды общественно полезных ценностей, поддержание сотрудничества между представителями разных конфессий, этнических общностей, а также формирование устойчивого негативного отношения к радикальным идеям, в том числе связанным с насилием. Значимость данного направления противодействия терроризму нельзя недооценивать, так как ключевой проблемой, связанной с терроризмом, является распространение террористической идеологии. При этом терроризм, как мы показывали выше, относится к деструктивному типу идеологий, в связи с чем он не отличается целостностью, системностью и последовательностью изложения идей и воззрений, позволяя лица, пропагандирующим ценности данной идеологии оперативно её адаптировать под конкретного человека, либо группу людей, в целях осуществления вербовки. Данный фактор также негативно сказывается на эффективности профилактических мер в духовно-идеологической сфере противодействия терроризму, так как при работе по данному направлению уполномоченные должностные лица опираются на букву закона и принятые в обществе ценности и ориентиры, которые изначально неверно воспринимаются населением, в связи с чем у отдельных людей вырабатывается заведомо необязательное отношение к закону, вне

контекста маргинальной девиации, что, однако, открывает возможности для вовлечения таких лиц в террористическую деятельность под предлогом «борьбы» с ложнопонятыми положениями закона или ценностными ориентирами общества.

В связи с этим необходимо отметить особую важность информационного противодействия терроризму, в рамках которого осуществляется формирование антитеррористических установок, моральной готовности к участию в ведении контртеррористической деятельности, а также проведение мероприятий, направленных на политическое и правовое воспитание населения, повышения уровня его правовой культуры и правосознания.

Правовая сфера противодействия терроризму включает в себя формирование необходимой законодательной базы и правовых механизмов, способных обеспечить неотвратимость наказания за преступления террористического характера, «незаконный оборот оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ, наркотических средств, психотропных веществ, радиоактивных материалов, опасных биологических веществ и химических реагентов».

В России противодействие захвату заложников осуществляется по следующим направлениям: во-первых, это ликвидация политических, экономических, социальных и других причин, обуславливающих его проявление в обществе, во-вторых, силовые и правовые меры репрессивного и принудительного характера, которые направлены в основном на физическое уничтожение захватчиков. При этом деятельность по предупредительным мерам не является комплексной, она не ориентирована на преодоление социальных и политических условий, которые порождают захват заложников. Соответственно на сегодняшний день силовые меры являются преобладающими, так как как таковых предупредительных мер не существует.

Еще одним действенным способом по предупреждению захвата заложников ученые предлагают считать норму, указанную в примечании к ст.

206 УК РФ об освобождении от уголовной ответственности в случае добровольного освобождения заложников [62, с. 200]. Однако, по нашему мнению, это не способ предупреждения преступности, так как данная норма начинает действовать уже после того, как захват заложника осуществлен.

Следующим документом рассмотрим Указ Президента РФ от 26.12.2015 N 664 «О мерах по совершенствованию государственного управления в области противодействия терроризму», а также «Положение о Национальном антитеррористическом комитете» [63]. Данный документ выделяет в качестве ключевого субъекта противодействия захвату заложника как формы проявления терроризма Национальный Антитеррористический комитет, к компетенции которого относится проведение систематического мониторинга государственной системы противодействия террористической деятельности, подготовка предложений для Президента РФ в области формирования государственной политики, а также модернизации законодательства, регулирующего правоотношения, связанные с противодействием терроризму. К компетенции Комитета также относится координация деятельности в области противодействия терроризму между органами исполнительной власти федерального уровня, уровня субъекта РФ, а также муниципального уровня и антитеррористическими комиссиями, оперативными штабами в субъектах РФ. Комитет осуществляет, помимо вышеперечисленного, полномочия по информационному обеспечению деятельности, связанной с противодействием терроризму.

В заключение можно отметить, что в современных реалиях в России в качестве основы государственной политики по противодействию терроризму выступает законодательство РФ. Последние десятилетия характеризуются принятием ряда мер и решений, направленных на создание единой и централизованной системы противодействия терроризму. В качестве основных целей, которые ставятся перед противодействием терроризму, следует выделять обеспечение безопасности личности, государства и общества от любых угроз террористического характера. Важно также

понимать, что достижение значимых результатов в области противодействия терроризму непосредственно связано с применением комплексного подхода при борьбе с проявлениями терроризма, что требует задействования разного рода средств и сил, государственных и общественных институтов, а также международным сотрудничеством.

3.2 Совершенствование уголовного законодательства об ответственности за захват заложника

Участившиеся случаи совершения преступлений с использованием заложников не могут оставаться без соответствующего реагирования государства. Автором было обращено внимание на некоторые проблемы, которые требуют законодательного вмешательства. В связи с этим в настоящем исследовании читаем необходимым указать сначала на суть проблемы, а затем предложить выход из сложившейся ситуации путем предложений по изменению законодательного регулирования ст. 206 УК РФ.

И так, первая проблема, озвученная в работе, касалась наименования самой статьи. А именно, как правило, первый этап такого деяния как захват заложников состоит из двух действий. Это непосредственный захват, а затем удержание заложников. При этом законодатель сформулировал данные дефиниции таким образом, что их можно отграничить друг от друга. Захват заложника в доктрине «представляет собой совершение виновным комплекса действий, опосредованных применением насилия (причем не выделено – физического или психического характера, а значит законодатель признает возможным применение обоих этих видов насилия) либо же с применением оружия (а равно – с угрозой его применения)» [32, с. 21]. Следует отметить, что хоть и законодатель по смыслу диспозиции анализируемой статьи УК РФ, сформулировал такие разные категории, как захват и удержание, но на практике мы видим, как удержание происходит после совершения захвата. Удержание, в свою очередь, представляет собой «ограничение свободы

заложника, включающее лишение его воли на свободу передвижения (к примеру, связывание, запираение в комнате). Сам заложник или окружающие лица должны понимать и осознавать происходящее и подчиняться требованиям делинквента в силу применения последним насилия» [32, с. 21].

Так соответственно получается, что концепция ст. 206 УК РФ предусматривает два самостоятельных действия, при этом в судебной практике они различаются и описываются каждый в отдельности. Однако, наказание идет, что за захват заложника, что за удержание по ст. 206 «Захват заложника». Соответственно можно сделать вывод, что в настоящее время в действующей норме содержание дефиниции захвата поглощает содержание дефиниции удержания. Учитывая тот факт, что данные действия не равны, то ст. 206 УК РФ должна иметь название «захват и удержание заложника».

Вторая проблема, замеченная при анализе субъективной стороны анализируемого преступления, касается наличия в ст. 206 УК РФ части 4, которая определенно нарушает логическую структуру уголовного законодательства. Суть в том, что в ч. 4 ст. 206 УК РФ речь идет о захвате заложников, связанном с реальным умышленным причинением потерпевшим смерти, т.е., по сути, с убийством. И такой случай, если исходить из буквального толкования закона, будет квалифицироваться только по ч. 4 ст. 206 УК РФ [64, с. 79]. Эту позицию поддерживает и Пленум Верховного Суда РФ, который в сходной ситуации применительно к ст. 205 УК РФ в п. 9 Постановления от 9 февраля 2012 г. N 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» разъяснил, что в случае, если террористический акт повлек умышленное причинение смерти человеку (либо двум или более лицам), содеянное охватывается п. «б» ч. 3 ст. 205 УК РФ и дополнительной квалификации по ст. 105 УК РФ не требуется [65]. Однако данный вопрос вызывает многочисленные споры в научных кругах, которые, по нашему мнению, небезосновательны. Преступление признается оконченным в момент выполнения действий, входящих в объективную сторону преступления. Если

деяние пресечено на стадии захвата потерпевшего, то действия виновных следует расценивать как покушение на похищение человека. Момент окончания преступления определяется фактом перемещения и удержания лица против его воли в определенном похитителем месте. Субъектом выступает любое физическое вменяемое лицо, достигшее 14-летнего возраста. Субъективная сторона преступления характеризуется прямым умыслом.

Считаем, что умышленное причинение смерти другому лицу не может быть квалифицирующим признаком другого преступления, а должно являться самостоятельным составом преступления.

И третьим, среди прочих вопросов остается неразрешенным вопрос квалификации такого захвата заложников, в результате которого была причинена смерть двум и более лицам. Представляется, что такая ситуация будет квалифицироваться по ч. 3 или ч. 4 ст. 206 УК РФ с наказанием аналогичным как причинение смерти одному потерпевшему. Но тогда, где же соразмерность наказания в уголовном праве в такой ситуации?

Аналогично ни в доктрине, ни в законодательстве не решен вопрос о причинении тяжкого вреда здоровью при захвате заложников.

И последняя проблема, которую хотелось бы осветить, это проблемы правильной квалификации деяний, связанных с физической свободой человека (дополнительный объект при захвате заложников), которые постоянно возникают в судебной-следственной деятельности, особенно когда за освобождение человека виновные требуют выкуп. И даже при предельно понятных ограничительных признаках, сложности отграничения похищения человека от захвата заложника все-таки существуют.

Поэтому во избежание таких проблемных моментов представляется правильным в текст уголовного закона добавить такие дефиниции в диспозиции анализируемых статей, как похищение, незаконное лишение свободы и захват заложника для того, чтобы различия в них были очевидны и можно было бы избежать проблем квалификации данных действий. Соответственно, автор предлагает сделать два дополнения.

Во-первых, добавить в ст. 126 УК РФ определение похищения в следующей редакции: «похищение человека это его незаконные захват, перемещение в место, отличное от места его проживания, и последующее удержание».

Во-вторых, в ст. 127 УК РФ определить понятие незаконного лишения свободы, под которым следовало бы понимать «полное ограничение свободы передвижения человека». Считаем, что благодаря таким определениям будет проведена точная грань разделения данных составов преступления.

Таким образом, по результатам исследования в третьей главе, предлагаем некоторые направления по совершенствованию уголовного законодательства.

Во-первых, добавить в ст. 126 УК РФ определение похищения в следующей редакции: «похищение человека это его незаконные захват, перемещение в место, отличное от места его проживания, и последующее удержание».

Во-вторых, в ст. 127 УК РФ определить понятие незаконного лишения свободы, под которым следовало бы понимать «полное ограничение свободы передвижения человека». Считаем, что благодаря таким определениям будет проведена точная грань разделения данных составов преступления.

Таким образом, похищение человека следует сформулировать как незаконный захват и незаконное перемещение лица. При этом исключать из диспозиции ч. 1 ст. 126 УК РФ признак незаконного удержания также нельзя по причинам, изложенным выше. Представляется, что для устранения обозначенной проблемы в определении содержания похищения человека как преступления необходимо юридически формально разделить понятие «похищение человека» на два альтернативных: «захват с последующим незаконным перемещением» и «удержание после незаконного перемещения». Такой способ формулирования общественно опасного деяния используется законодателем в других нормах (ст. 206 УК РФ «Захват заложника»).

Заключение

И так, исследовав такую интересную тему как уголовная ответственность за захват заложника можно подвести итоги проделанной работы. Данное преступление берет свое начало в древнейшие времена. Ответственность за совершение указанного преступления в настоящее время закреплена во многих нормативных актах различных государств, в том числе и в Уголовном кодексе Российской Федерации.

Понятие захват заложника, ответственность за данное деяние находится в состоянии совершенствования и требует определенной доработки. Официального или легального понятия захвата заложника в российском законодательстве не предусмотрено, также не определено понятие незаконного захвата или удержания. Поэтому, проанализировав различные понятия, данные исследователями относительно захвата заложников автор сделал вывод, что под захватом заложника следует понимать противоправное завладение человеком или группой лиц путем удержания или лишения свободы передвижения с целью влияния на совершение государством, организацией или определенным лицом каких-то конкретных действий.

Для лучшего понимания определения захвата заложника в настоящем исследовании автор рассмотрел криминологические характеристики лиц, совершивших захват заложника из которых сделал вывод, что в основном криминологические характеристики личности преступника-террориста и лица, осуществившего захват заложника, совпадают.

В настоящее время захват заложников представляет угрозу как для общества в целом, так и для индивидуума. Не умаляя важности личности заложника, автор подчеркивает, что отличительной чертой все-таки анализируемого преступления является его объект – это общественная безопасность. И анализ объективных признаков данного преступления это подтверждает. Не удивительно, что данное преступное деяние законодатель отнес к категории тяжких преступлений. При этом, совершение даже

единичного случая такого захвата характеризуется причинением существенного материального и морального вреда, не говоря уже о том, что в основном такие захваты происходят массово.

Данное преступление имеет сложный состав, так как включает в себя ряд самостоятельных действий, каждое из которых априори образует состав уголовно-правового деликта. Во-первых, захват самого лица в качестве заложника. Во-вторых, его удержание. В-третьих, выдвижение захватчиком каких-либо требований в сторону заинтересованных лиц. Следует отметить, что хоть и законодатель по смыслу диспозиции анализируемой статьи УК РФ, сформулировал такие разные категории, как захват и удержание, но на практике мы видим, как удержание происходит после совершения захвата. При этом захват заложника понимается как совершение виновным комплекса действий, опосредованных применением насилия либо же с применением оружия или его угрозой. А удержание, в свою очередь, представляет собой ограничение свободы заложника, включающее лишение его воли на свободу передвижения (к примеру, связывание, запираение в комнате).

Так соответственно получается, что концепция ст. 206 УК РФ предусматривает два самостоятельных действия, при этом в судебной практике они различаются и описываются каждый в отдельности. Однако, наказание идет, что за захват заложника, что за удержание по ст. 206 «Захват заложника». Соответственно можно сделать вывод, что в настоящее время в действующей норме содержание дефиниции захвата поглощает содержание дефиниции удержания. Учитывая тот факт, что данные действия не равны, то ст. 206 УК РФ должна иметь название «захват и удержание заложника».

Что касается субъективных признаков противоправных деяний, связанных с захватом заложников, необходимо отметить, что, во-первых, захват заложников может реализовываться преступником исключительно только с прямым умыслом, причем как с внезапно возникшим, так и с заранее обдуманным.

Обязательным признаком субъективной стороны преступления является наличие одной из целей, перечисленных в диспозиции статьи 206 УК РФ. Характер предъявляемых виновным требований не имеет значения для квалификации.

Субъектом преступления является вменяемое физическое лицо, достигшее 14-летнего возраста. В настоящем исследовании были приведены спорные позиции ученых относительно снижения возраста за данное преступление в действующем уголовном законе, однако по мнению автора, нецелесообразно сейчас отказываться от возраста уголовной ответственности в 14 лет, только лишь на основании отсутствия прецедентов осуждения малолетних. Ведь ни теоретически, ни практически подобные решения законодателя не должны быть исключены, поскольку не только преступность молодеет, но и уголовно-правовое противодействие ей трансформируется.

Также в настоящем исследовании были рассмотрены квалифицирующие признаки захвата заложника и критерии отграничения данного преступления от смежных составов, основным из которых является отсутствие личных претензий к потерпевшему при захвате заложника в отличие от похищения или незаконном лишении свободы человека. В добавок к признакам разграничения этих преступлений можно отнести, и известность места содержания потерпевшего в случае с захватом заложника.

Также автор предлагает обратить внимание на ст. 206 УК РФ, главной особенностью которой является наличие требований, направленных государству, организациям, отдельным лицам с возможной угрозой наказания заложников. Заложники выполняют функцию эквивалента, которым преступники расплачиваются при выполнении требований. Захватчики действуют открыто и более того часто стремятся вызвать общественный резонанс, демонстративно выступая в СМИ.

Вроде бы все предельно понятно, однако проблемы правильной квалификации деяний, связанных с физической свободой человека (дополнительный объект при захвате заложников), постоянно возникают в

судебно-следственной деятельности, особенно когда за освобождение человека виновные требуют выкуп. Соответственно сложности отграничения похищения человека от захвата заложника все-таки существуют.

Во избежание таких проблемных моментов представляется правильным в текст уголовного закона добавить такие дефиниции в диспозиции анализируемых статей, как похищение, незаконное лишение свободы и захват заложника для того, чтобы различия в них были очевидны и можно было бы избежать проблем квалификации данных действий. Соответственно, автор предлагает сделать два дополнения.

Во-первых, добавить в ст. 126 УК РФ определение похищения в следующей редакции: «похищение человека это его незаконные захват, перемещение в место, отличное от места его проживания, и последующее удержание».

Во-вторых, в ст. 127 УК РФ определить понятие незаконного лишения свободы, под которым следовало бы понимать «полное ограничение свободы передвижения человека». Считаем, что благодаря таким определениям будет проведена точная грань разделения данных составов преступления.

Помимо вышеописанных проблем в настоящем исследовании также была обозначена проблема наличия ч. 4 в ст. 206 УК РФ, которая определенно нарушает логическую структуру уголовного законодательства. Суть в том, что в ч. 4 ст. 206 УК РФ речь идет о захвате заложников, связанном с реальным умышленным причинением потерпевшим смерти, т.е., по сути, с убийством. И такой случай, если исходить из буквального толкования закона, будет квалифицироваться только по ч. 4 ст. 206 УК РФ. Эту позицию поддерживает и Пленум Верховного Суда РФ, который в сходной ситуации применительно к ст. 205 УК РФ в п. 9 Постановления от 9 февраля 2012 г. N 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» разъяснил, что в случае, если террористический акт повлек умышленное причинение смерти человеку (либо двум или более лицам), содеянное охватывается п. «б» ч. 3 ст. 205 УК РФ и

дополнительной квалификации по ст. 105 УК РФ не требуется. Однако данный вопрос вызывает многочисленные споры в научных кругах, которые, по нашему мнению, небезосновательны.

Считаем, что умышленное причинение смерти другому лицу не может быть квалифицирующим признаком другого преступления, а должно являться самостоятельным составом преступления.

И последним, среди прочих вопросов остается неразрешенным вопрос квалификации такого захвата заложников, в результате которого была причинена смерть двум и более лицам. Представляется, что такая ситуация будет квалифицироваться по ч. 3 или ч. 4 ст. 206 УК РФ с наказанием аналогичным как причинение смерти одному потерпевшему. Но тогда, где же соразмерность наказания в уголовном праве в такой ситуации?

Аналогично ни в доктрине, ни в законодательстве не решен вопрос о причинении тяжкого вреда здоровью при захвате заложников.

Считаем, что данные замечания не могут оставаться без соответствующего реагирования государства.

Список используемой литературы и используемых источников

1. Осипов В.А. Захват заложника (Уголовно-правовой и криминологический аспекты) : Дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 : Москва, 1999. 192 с. РГБ ОД, 61:00-12/7-6.
2. Хоменко А.Н. Уголовно-правовые аспекты захвата и освобождения заложников: диссертация ... кандидата юридических наук : 12.00.08 : Омск, 2008. 213 с.: ил. РГБ ОД, 61 08-12/904.
3. Козлова Н.Н. Уголовная ответственность за захват заложников : автореферат дис. ... кандидата юридических наук : 12.00.08 / Московская высшая школа милиции МВД РФ : Москва, 1992. 24 с.: ил. РГБ ОД, 9 92-4/891-3.
4. Павлик М.Ю. Актуальные проблемы захвата заложника (Уголовно-правовой и криминологический аспекты) : Дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 : СПб., 1998. 168 с. РГБ ОД, 61:00-12/31-9.
5. Анциферов К.П. Ответственность за захват заложника (Уголовно-правовой и криминологический аспекты) : Дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 : Москва, 2003. 191 с. РГБ ОД, 61:04-12/403.
6. Гущин М.Ю. Захват заложника: Криминологическая характеристика и уголовно-правовые меры противодействия: Дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 СПб., 2005. 173 с. РГБ ОД, 61:05-12/1470.
7. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета от 04.07.2020. № 144.
8. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 28.01.2022) // Собрании законодательства Российской Федерации от 17.06.1996 № 25 ст. 2954.
9. Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран / под ред. З.М. Черниловского. М., 1994. 471 с.

10. Павлик М.Ю. Возникновение и развитие российского уголовного законодательства об ответственности за захват заложника // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2006. №1. С. 102-107.

11. Мартыненко Н.Э. Похищение человека: понятие, анализ состава и проблемы квалификации. Лекция. М. : Академия управления МВД России. 2018. 120 с.

12. Европейская конвенция о защите прав и основных свобод [Электронный ресурс] URL: <https://www.echr.coe.int/Documents/Convention> (дата обращения: 31.01.2022).

13. Европейская конвенция по борьбе с терроризмом от 1977 года [Электронный ресурс] URL: <http://nac.gov.ru/zakonodatelstvo/mezhdunarodnye-pravovye-akty/evropeyskaya-konvenciya-o.html> (дата обращения: 31.01.2022).

14. Международная конвенция о борьбе с захватом заложника от 1979 года [Электронный ресурс] URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/hostages.shtml (дата обращения: 31.01.2022).

15. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации : научно-практический (постатейный) / [Ветров Н. И. и др.] ; под ред. С.В. Дьякова, Н.Г. Кадникова. 3-е изд., перераб. и доп. Москва : Юриспруденция, 2015. 1035 с.

16. Зеленко В. Признаки понятия «Захват заложника» // Вестник Карагандинской академии Министерства внутренних дел Республики Казахстан им. Баримбека Бейсенова. 2013. № 1. С. 58-60.

17. Канунникова Н.Г., Шхагапсоев З.Л. Захват заложников как способ совершения актов терроризма: понятие и предупреждение // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2016. № 2 (36). С. 76-70.

18. Официальный сайт прокуратуры города Москвы [Электронный ресурс] URL: https://old.mosproc.ru/news/moscow/vynesen_obvinitelnyy_prigovor_po_ugolovn

omu_delu_o_zakhvate_zalozhnikov_v_banke_v_tsentre_stolitsy/?special_version=У (дата обращения 30.12.2021).

19. Приговор московского городского суда по делу № 2-0061/2012 [Электронный ресурс] URL:<https://mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/first-criminal/details/4d4c8b29-3adc-44e1-8d57-08eff1710704> (дата обращения: 11.01.2022).

20. Киреева Л.Е., Трунова Е.В. Захват заложника // В сборнике: Социально-экономическое развитие России: проблемы, тенденции, перспективы. Сборник научных статей 19-й Международной научно-практической конференции. В 5-ти томах. 2020. С. 55-56.

21. Уголовное право. Общая и Особенная части / Под ред. Н.Г. Кадникова. - М. : Городец, 2006. 617 с.

22. Павлик М.Ю. Отграничение захвата заложника от смежных с ним составов преступлений по УК РФ // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2006. № 1. С. 212-214.

23. Кобец П.Н. О понятии личности преступника, как одной из важных проблем криминологической науки // Фундаментальные и прикладные исследования в современном мире. 2015. № 9-4. С. 90-92.

24. Криминология: курс лекций / Р.А. Семенюк. 2-е изд., доп. и перераб. – Барнаул : Барнаульский юридический институт МВД России, 2017. 78 с.

25. Разумеева Я.А. Личность преступника в криминологии // Вопросы российской юстиции. 2020. № 9. С. 994-999.

26. Криминология: учебник / С.М. Иншаков. Москва : Юриспруденция, 2000. 426 с.

27. Официальный сайт судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации [Электронный ресурс] URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5669> (дата обращения: 12.01.2022).

28. Рогожкин Н.А., Барышников Ю.В., Цедрик В.А. Криминологическая характеристика личности преступника-террориста: социально-демографические аспекты // Юридическая наука. 2021. № 1. С. 59-61.

29. Байбарин А.А., Гребеньков А.А., Шевелева С.В. Уголовное право России. Общая часть: учеб. пособие / А.А. Байбарин, А.А. Гребеньков, С.В. Шевелева; Отв. ред. А.А. Гребеньков: Юго-Зап. гос. ун-т. - Курск, 2017. 429 с.

30. Серебренникова А.В., Лебедев М.В. Многообъектность преступления на примере ст. 206 Уголовного кодекса Российской Федерации (захват заложника) // Научное и образовательное пространство: перспективы развития: материалы VI Междунар. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 13 авг. 2017 г.) / редкол.: О.Н. Широков [и др.]. Чебоксары, 2017. С. 376.

31. Петров П.К. Похищение человека и захват заложников - вопросы квалификации // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2008. С. 51.

32. Боровиков В.Б. Оценка применения насилия при захвате заложника // Уголовное право. 2016. № 2. С. 17-22.

33. Апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 12.03.2019 N 203-АПУ19-4 [электронный ресурс] URL: <https://legalacts.ru/sud/apelliatsionnoe-opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-delam-voennosluzhashchikh-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-12032019-n-203-aru19-4/> (дата обращения: 09.02.2022)

34. Апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда РФ от 22.09.2015 № 201-АПУ15-11 [электронный ресурс] URL: <https://base.garant.ru/71215606/> (дата обращения: 09.02.2022).

35. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.12.2019 N 58 "О судебной практике по делам о похищении человека, незаконном лишении свободы и торговле людьми" // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 3. 2020.

36. Хоменко А.Н. К вопросу о квалификации деяний, посягающих на физическую свободу человека // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2021. № 2 (56). С. 35-43.

37. Тимейко Г.В. Общее учение об объективной стороне преступления / под ред. П.Т. Некипелова. Ростов н/Д, 1977. 110 с.
38. Иванов В.Д. Уголовное право. М.: Изд-во Приор, 2011. 202 с.
39. Сидакова Т.М. Мотив и цель как признаки субъективной стороны преступления // Вестник магистратуры. 2019. С 73-75.
40. Долгих Т.Н. Понятие и признаки субъекта преступления. Особенности специального субъекта преступления // СПС КонсультантПлюс. 2022.
41. Паньшина И.Ю., Щеголева А.С. Соотношение преступления и субъекта преступления // В сборнике: Проблемы развития современного общества. Сборник научных статей 7-й Всероссийской национальной научно-практической конференции. В 5-ти томах. Под редакцией В.М. Кузьминой. Курск, 2022. С. 408-410.
42. Белоцерковский С.Д. Уголовная ответственность юридических лиц и оптимизация борьбы с организованной преступностью // Право и экономика. 2017. № 11.
43. Киселёв Э.П. Субъект преступления «захват заложника» (ст. 206 УК РФ) // Человек: преступление и наказание. Кировск, 2009. С. 80.
44. Трапаидзе К.З. Возраст, с которого наступает уголовная ответственность: спорные вопросы законодательства и практики применения // Lex russica (Русский закон). 2022. № 2 (183). С. 46-55.
45. Говоров И.Г. Похищение человека и захват заложника: проблема разграничения // Уголовное право. 2019. № 4. С. 28-35.
46. Шевелева С.В. Принуждение как общественно опасное деяние // Lex russica. 2017. № 12. С. 68-83.
47. Кассационное определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 15.07.2021 № 77-2725/2021 // СПС КонсультантПлюс.
48. Хоменко А.Н. Особенности субъективных признаков преступлений, совершаемых в отношении несовершеннолетних // Адвокат. 2012. № 3. С. 72-74.

49. Векленко В., Зайцева Е. Спорные вопросы квалификации преступлений, совершенных с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия // Уголовное право. 2009. № 2. С. 23.

50. Апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда РФ от 21.09.2017 N 203-АПУ17-24 [электронный ресурс] URL: <https://legalacts.ru/sud/apelliatsionnoe-opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-21092017-n-203-apu17-24/> (дата обращения: 09.02.2022).

51. Апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 12.11.2019 N 201-АПУ19-51 [электронный ресурс] URL: <https://legalacts.ru/sud/apelliatsionnoe-opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-delam-voennosluzhashchikh-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-12112019-n-201-apu19-51/> (дата обращения: 09.02.2022).

52. Черненко Т.Г. Квалификация преступлений: вопросы теории и практики. Кемерово: Кемеровский государственный ун-т, 2012. С. 176-177.

53. Винокуров В.Н. Объект преступления и предмет уголовно-правового регулирования // Современное право. 2020. № 5. С. 71 - 79.

54. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / К.А. Барышева, Ю.В. Грачева, Р.О. Долотов и др.; под ред. Г.А. Есакова. 9-е изд., перераб. и доп. Москва: Проспект, 2021. 816 с.

55. Кудашова Е.Е. Захват заложника и похищение человека: проблемы разграничения составов // Юридические науки. № 76. 2017. С. 10.

56. Бязров В.Г. Уточнение понятия «захват заложника» и отграничение ст. 206 УК РФ (захват заложника) от ст. 205 УК РФ (террористический акт) // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени Коста Левановича Хетагурова. Владикавказ: Изд. Северо-Осетинский государственный университет им. К. Л. Хетагурова, 2013. № 1. 167 с.

57. Мотошков Н.Е. Проблемы отграничения террористического акта от иных составов преступлений // Право и общество. 2021. № 4 (5). С. 43-47.

58. Окасова К.Ж. Отграничение захвата заложника от состава преступления, предусмотренного статьёй 205 Уголовного Кодекса РФ // Моя профессиональная карьера. 2021. Т. 1. № 26. С. 70-73.

59. О стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 // Администрация Президента России. [Электронный ресурс] URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046/page/1> (дата обращения: 09.02.2022)

60. О противодействии терроризму: федеральный закон от 06.03.2006 №35-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2006. № 11. Ст. 1146.

61. Концепция противодействия терроризму в РФ (утв. Президентом РФ 05.10.2009) // Российская газета. 2009. № 198.

62. Тарасова И.А. Некоторые вопросы предупреждения и пресечения актов захвата заложника // В сборнике: Право: история, теория, практика. Сборник статей и материалов. Брянск, 2018. С. 196-203.

63. О мерах по совершенствованию государственного управления в области противодействия терроризму: Указ Президента РФ от 26.12.2015 № 664 // Администрация Президента России. [Электронный ресурс] URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/40332> (дата обращения: 09.02.2022)

64. Наумов А. Совокупность в составных насильственных преступлениях: когда она есть и когда отсутствует // Уголовное право. 2014. № 5. С. 78-79.

65. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 № 1 (ред. от 03.11.2016) "О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности" [Электронный ресурс] URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_125957/ (дата обращения: 09.02.2022).